

Лиза
Кутузова

Темногорье

Яблоневая Долина

Лада Кутузова
Темногорье. Яблонева долина
Серия «Темногорье», книга 2
Серия «Фэнтэзи нового поколения. Темногорье»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68340428
Темногорье. Яблонева долина: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-151608-6

Аннотация

Лада Кутузова – многократный лауреат престижных литературных премий. В 2017 году роман «Плацкартный билет», открывающий фэнтэзи-цикл «Темногорье», попал в финал премии LiveLib «Лучшая книга 2017 года, выбор читателей: Ужасы, мистика», а так же занял третье место в конкурсе «Бегущая по волнам» за лучший женский образ в фантастике.

В романе «Яблонева долина», продолжающем цикл, читатели познакомятся с ещё неизведанными гранями этого мира и с новыми героями.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Приш	9
Глава 2. Темногорье	16
Глава 3. Подарок для Алисы	23
Глава 4. Золотой город	30
Глава 5. Правительница Алтанхота	36
Глава 6. Первый изгнанный	45
Глава 7. Незнакомец	51
Глава 8. Вторая изгнанная	59
Глава 9. Мёртвая пустошь	64
Глава 10. Я выбираю путь	74
Глава 11. Встреча троих	80
Глава 12. Вязанка хвороста	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Лада Кутузова

Темногорье.

Яблонева долина

© Кутузова Л., 2022

© Кривоги́на А., иллюстра́ции, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

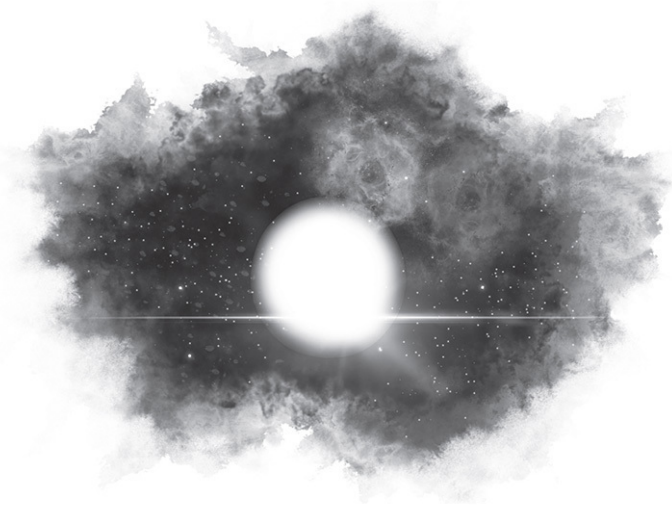
* * *

*В уютный домик над рекой я всё-таки вернусь.
Открою дверь своим ключом –
Там пусто. Ну и пусть.
Я молча сяду у окна. И буду век сидеть.
Сидеть и губы в кровь кусать.
В надежде умереть.
И будет роком тишина висеть над головой.
И будет век напоминать,
Что нет тебя со мной.
И просижу я у окна сто долбанных веков.
И вдруг какою-то весной услышу звук шагов.
Я тут же стану на крыло –
Легка и весела.
Открою дверь тебе скорей,
А это смерть пришла.*

Юлия Камышева

Пролог

Низкорослая лошадка, запряжённая в телегу, медленно трусила по грунтовой дороге. Даже надвигающийся вечер и понукания возничего не прибавили ей прыти. Да и всё вокруг притихло. Солнце неспешно кренилось к горизонту, птицы лениво перекликались между собой. Тени становились гуще, обещая долгожданную прохладу. Ветер слегка шевелил ветви деревьев, обступивших торговый тракт, и казалось, что они перешёптываются.

Дно повозки было плотно заставлено плетёными корзинами и глиняными кувшинами. Между ними с трудом уместилась женщина, мужчина правил лошадью. Оба невысокого роста, черноволосые и с румянцем во всю щёку – свидетельством крепкого здоровья. Гусиные лапки вокруг глаз говорили о весёлом нраве. В Яблонево́й долине все жители отличались добродушием. Спутник что-то сказал женщине, и она заливисто расхохоталась. В это время небо пересёк светящийся предмет. Тёмный, цвета остывших углей, похожий на укороченное веретено. Он летел чуть выше деревьев, оставляя за собой белый дым.

– Погляди-ка, Марта, – заметил мужчина, – какая странная штука.

– Интересно, что это? – Марта проследила за непонятным объектом.

Тот скрылся за ближайшим леском, а потом громыхнуло. Да так, что в ушах зазвенело. Лошадка встала, как вкопанная, часть кувшинов раскололась, а с деревьев посыпались листья.

Мужчина спешился.

– Пойдем, Марта, посмотрим.

Сказал и сам себя еле услышал, точно в уши пакля набилась. Марта начала отнекиваться:

– Да я что-то боюсь, Вилли. Давай лучше дальше поедем.

Но мужчина уже зашагал к ставшему густым столбу дыма. Марте ничего не оставалось, как последовать за ним. В

глубине леса был замечен урон. По деревьям точно косою прошлись, срезав макушки. Трава обуглилась, дышать стало трудно. Ближе к центру взрыва стволы разметало, словно чурки в городках. А между ними темнела воронка. Там и лежал упавший предмет. Он медленно остывал, покрываясь пеплом. А затем что-то скрипнуло, звякнуло, и предмет распался на две части. На дне ямы осталась люлька с младенцем.

Вилли спрыгнул вниз и достал ребенка.

– Марта, он живой, – донёлся из ямы его голос.

И в подтверждение его слов младенец разразился плачем, да таким громким и обиженным, что сердце сжалось.

– Вилли, поднимай его, – заволновалась Марта.

Она заглядывала в воронку со страхом и надеждой. Двадцать лет, как они с Вилли женаты, а ребёночка так и нет. Неужели небо услышало её просьбы? Вилли с трудом выкарабкался из ямы, передал ей младенца, и Марта с радостным волнением впервые посмотрела в лицо своего сына.

Глава 1. Приш

Яблоки спели, и над долиной повис фруктовый аромат. Неповторимый запах антоновки смешался с нежно-сладким духом летних яблонь. К ним примешались медовый и конфетный ароматы и грушевый запах нового сорта. Приш почувствовал, как рот наполняется слюной. Он взял из корзины яблоко и вонзил зубы в красно-зелёный бок. Брызнул сок. Хорошо. Скоро он с родителями отправится на ярмарку, где будет торговать фруктами и сидром. Тот уже настоялся в бочках с прошлого года. На сидр идут поздние плоды.

Янтарного цвета, наливные, так что даже косточки просвечивают сквозь кожуру и мякоть, наполнившуюся карамельным сиропом. Во всём Темногорье нет сидра вкуснее, чем в Яблонево́й долине, это все знают. С небольшой хмелинкой, а цветом – как сосновая смола. На вкус такой, что язык трубочкой сворачивается. Пьёшь его и пьёшь, и только прилив сил чувствуешь и настроение поднимается. А голова ясная. Первое вино на посиделках, когда надо и людей посмотреть, и себя показать. Нет усталости от долгих плясок, стирается ненужное смущение, и беседа льётся до первых звёзд. Именно тогда и договариваются о свадьбах. Сидр – напиток влюблённых.

Приш ощутил удар в спину: Лиза, младшая сестрёнка, кинулась яблоком. Он потёр ушибленное место и погрозил кулаком. Но Лиза уже залезла под телегу: попробуй, достань оттуда. Ей лишь бы играть с братом в догонялки, но Пришу надо помогать родителям. Это Лизе всего шесть лет, а он уже совсем взрослый – пятнадцать исполнилось. Ещё пара лет – и совсем жених. Можно будет себе сидр на свадьбу оставлять и сватов засылать.

От мыслей о свадьбе Приш вспыхнул изнутри. Хотя... А что такого? Ведь на самом деле пора себе невесту присматривать. Впрочем, и не надо присматривать. Чего уж там, даже Лиза знает, что ему нравится Алиса, дочка односельчанина. Черноволосая, как все жители долины, чуть что вспыхивающая нежным румянцем, и хохотушка. Когда Алиса сме-

ётся, у Приша мурашки по спине бегут. А сердце начинает так биться, что страшно: вдруг выскочит? И кажется, что ног нет – паришь над землёй. Один раз так засмотрелся, что муха в открытый рот влетела. А Алиса лишь пуще расхохоталась. Ей и палец достаточно показать, уже смешно.

– О чём мечтаешь, жених? – отец хлопнул по плечу.

Ну вот, даже задуматься нельзя, сразу заметили. Приш привычно взял из рук отца тяжёлую корзину и поставил в телегу. Отец запряг лошадку, и они втроём отправились домой.

Мама уже напекла пирожков с яблоками и шарлотку. Приш налил из кувшина парное молоко и сел обедать.

– Подожди, сначала суп, – мама подвинула глубокую тарелку.

Маме лишь бы покормить! Хотя суп она вкусный варит. Наваристый, на сахарной косточке, и настолько густой, что ложка стоит. А ещё зелень и чеснок крошит и сметану добавляет. За уши от такого супа не оттянешь.

– Ну как урожай? – поинтересовалась мама.

– Замечательный, Марта, – ответил отец. – В этом году яблоки как никогда уродились. Один к одному. Будет чем на ярмарке торговать.

– Ты это каждый год говоришь, Вилли, – мама улыбнулась, и на её щеках появились две ямочки.

У Алисы тоже ямочки образуются, когда она смеётся. И всё время хочется их потрогать. И страшно, словно в бездну

шагнуть.

Приш залпом допил молоко и вышел из-за стола. Сейчас они с отцом снова отправятся в сад. Надо снять оставшиеся летние яблоки – на выходные всей семьёй поедут на ярмарку. Приш сам станет торговать, ведь родителям помощь требуется. Оба немолоды, отец наполовину седой, да и у мамы точно паутина в волосах запуталась. Другие уже внуков в этом возрасте нянчат, а им приходится детей поднимать. Сначала Приш с неба свалился, как мама рассказывала, а потом уже Лиза – подарок судьбы, которого не ждали. Повезло с родителями. Если бы не они, он мог бы погибнуть. А они спасли его и как собственного ребенка воспитали. Хотя он с детства знал, что родители – неродные. Да и как не знать: у Приша тёмно-бронзовая кожа и волосы цвета травяной поросли. А ещё на пальцах присоски имеются, поэтому он может карабкаться и на стену, и по стволу яблони – не упадёт. Первый помощник по хозяйству. Всех за пояс заткнёт, любая девушка такому другу рада будет. Наверное.

Иногда сомнения одолевали: вдруг Алисе он совсем не нравится? В смысле как парень? Может, она видит в нём лишь мальчишку, которого знает с детства? Ну да, он и в росте другим не уступает, и силой не обделён, но всё же... Вдруг ей приглянулся кто-то из парней долины: темноволосый, с обычной белой кожей? Как бы узнать? Может, что-то сделать? Точно! Надо пригласить её на свидание. Если не откажется, то дело в шляпе. Эх, только как бы смелости на-

браться? Он, Приш, способен забраться на самое высокое дерево, а вот с Алисой ведёт себя как рыба: лишь молча рот открывает. Но решено: после ярмарки он подойдёт к ней, иначе сам себя уважать перестанет.

Торжище располагалось в центре Темногорья, неподалёку от башни тысячи вокзалов. Приш снова загляделся, рассматривая её. Высотой до неба, молочного цвета, с изображением морских животных. Тут и медуза с длинными щупальцами, и гигантский кальмар, и морская звезда с осьминогом, и множество прочих тварей. Иногда Пришу хотелось залезть на её вершину и всё внимательно разглядеть. Говорят, с такой вышины всё крохотным кажется. Жаль только, что вечно времени не хватает. А ещё рассказывают, что через эту башню можно попасть в разные миры. Вот бы ему отправиться в путешествие! Может, где-нибудь он бы отыскал людей с цветом кожи, как у него, и смог бы найти настоящих родителей. Так хочется их увидеть. Пришу стало неловко: Марта и Вилли любят его как своего, а он желает узнать, кто его родные отец и мать. Но ведь наверняка с ними что-то случилось. Ведь не могли они отправить сына неведомо куда, как надоевшую игрушку.

Народу на ярмарке полно. Кого только нет. И цирковые, и актёры, и даже волшебники. Устраивают по вечерам представления, запускают в небо огненных драконов. А ещё показывают разные картины, совсем как настоящие: всяких ди-

ковинных животных и необычные миры. Отец обещал, что они останутся с ночёвкой, так что будет время побродить по городу.

Дома здесь приземистые, сложены из светлосерого камня. А в долине избы построены из дерева, поэтому всегда пахнет смолой и лесом. И яблоками. В долине всё пропитано их ароматом. А в городе всем понемногу: потом, пылью, выпечкой и корицей, черепицей с крыш, раскалённым булыжником. Его здесь много: не только здания, но и дороги камнем вымощены, а в долине все тропинки грунтовые. А ещё тут растут каштаны, а дома у Приша – яблони. Но всё равно ему Темногорье нравится. Городок небольшой, расположен на возвышенности. Внизу протекает река, а вокруг холмы, поросшие глухим лесом. И у города, и у края одно название – Темногорье. Видимо, из-за гор вокруг городка.

Яблоки и сидр расхватали как горячие пирожки. Приш только и успевал взвешивать да сдачу давать. Народ за товаром приехал из самых отдалённых уголков Темногорья. Многие слышаны о Яблонево́й долине и её урожае. Даже мохноног приходил из гильдии дорожников. Сверху человек, а внизу ноги, как у козла: мохнатые и заканчиваются копытами. А копытца блестят, точно их воском натёрли. Мохноног сказал, что держит постоянный двор неподалёку от торговища. Так и называется незатейливо: «Постояльный двор Плу́та». Пригласил у него остановиться. Ну, гильдию дорожников все хвалят, так что вопрос с ночлегом решён. Приш

взвесил последние яблоки и засобирался: надо ещё за покупками успеть. Родители думали ему и Лизе на осень обновки взять. Да ещё мама себе сапоги желала приобрести.

Плотные брюки из серо-зелёной ткани купили в лавке по соседству, там же взяли несколько рубашек, два свитера и мягкие невесомые ботинки. Хорошо, что Приш – парень, ему много одежды не надо. Не то что Лизе, одних платьев штук пять. Замучился, пока она всё перемерила. Когда с покупками закончили, он отпросился у родителей. Но сразу же увязалась Лиза:

– Приш, возьми меня с собой!

Ну вот! Вечно она как хвостик. Но мама перехватила дочку:

– Давай мы с тобой ещё в лавку за пирожными и конфетами сходим. А с Пришем вечером встретимся, на представлении.

Приш неловко обнял маму и чмокнул в щёку. Она всегда его понимала, будто мысли читала. А отец сунул деснар¹ и подмигнул: мол, заработал, сынок. Приш взял деньги и отправился по рядам.

¹ Деснар – серебряная монета в Темногорье. Один деснар соответствует десяти медным однарам. Десять деснаров – золотой стонар.

Глава 2. Темногорье

Торговые ряды ломились от фруктов. Сочные абрикосы и персики, душистые дыни и пузатые арбузы, россыпь спелого винограда вперемешку с медовыми сливами. Такой дух стоит, что пройти спокойно нельзя – глазами всё бы съел. А ещё медовая лавка, где и малиновый мёд, и гречишный, и липовый – одних названий несколько десятков. Приш купил мёд в сотах и отправился дальше. День клонился к вечеру, продавцы стали закрывать лавки. Приш заглянул ещё в одну. Это был небольшой магазинчик с украшениями для девочек и женщин. Приш пожал плечами и собрался выйти –

ему-то это зачем? Он же не кладоискатель, чтобы рыться в девичьих безделушках. Как вдруг в голову пришла мысль: у Алисы послезавтра день рождения! Точно. Он подарит ей заколку или цепочку с кулоном, а потом пригласит на свидание – вот и повод. А заодно можно и маме с Лизой подарки присмотреть, им приятно будет.

Он долго мялся у прилавка, пока продавец, пожилой мужчина, не поинтересовался:

– Кому ищите украшение, молодой человек? Своей девушке?

Приш так смутился, что уши полыхнули огнём:

– Нет, конечно! Для сестры – у неё скоро день рождения.

У продавца дёрнулся уголок рта, точно он попытался сдержать усмешку.

– Тогда, наверное, самое лучшее для сестрёнки? – с этими словами продавец высыпал на прилавок украшения.

У Приша глаза разбежались: столько всего! Аж рябит. Он завис над всеми этими брошами, колечками, серьгами.

– А что бы вы посоветовали? – наконец выдавил он из себя.

Продавец жестом фокусника вытащил из кучи тонкую цепочку с подвешенными на ней тёмно-фиолетовыми камнями. Казалось, они висят в воздухе сами по себе, как звёзды на небосклоне. Приш смог лишь кивнуть – в горле неожиданно пересохло.

– С вас девять однаров, молодой человек, – произнёс про-

давец.

Все оставшиеся деньги.

На представление Приш не шёл – летел. Он смог это сделать – купить подарок для Алисы! Правда, на гостинцы для мамы и Лизы денег не хватило, но ничего страшного. В другой раз им что-нибудь возьмёт – в следующие выходные опять на рынок поедут. А теперь у него есть причина договориться с Алисой о свидании. После такого подарка она точно не откажется встретиться с ним. И он пригласит её на мост Глогха.

Это каменное сооружение протянулось над долиной, соединяя две горные гряды. В виде огромного, замершего в прыжке зверя. С длинной узкой мордой, мощными лапами и массивным телом. Никто не знал имя строителя и в честь кого такое название. Мост однажды возник над ущельем, чтобы навсегда вписаться в окружающий пейзаж.

Родители уже ждали его возле подмостков, заняли лучшие места. Лиза показала леденец на палочке:

– Хочешь облизнуть?

Приш отрицательно мотнул головой: он уже взрослый. И тут же ощутил вину: сестрёнка с ним всем готова поделиться, а он ей никакого подарка не купил. Мог бы тот же мёд в сотах оставить. Почему он такой недогадливый? Он осторожно дёрнул Лизу за косичку, та сразу же улыбнулась довольной и наябедничала:

– Мама, а Приш меня за волосы хватает.

Но мама только шикнула:

– Тише вы, представление начинается.

Тут же потемнело, словно солнце погасили, как уличный фонарь. Занавес распахнулся, и на сцене появились тени.

Как живые, они заполнили собой подмостки. То становясь деревом, то человеком или мохноногим, а то превращаясь в страшное чудовище. Тени рассказывали историю о проклятых, которые пришли в Темногорье по тёмному пути. У Приша мурашки побежали по коже: до чего же торжественное, хотя и мрачное представление. Полное опасностей, ужасов и приключений. Приш не заметил, как зрелище полностью захватило его.

Словно он сам шёл этой дорогой, долгой и короткой, волшебной и страшной одновременно. Да и никто не остался равнодушным. Когда представление закончилось, воцарилась тишина: зрители не сразу стряхнули с себя навеянные чары.

Зато потом грохнули аплодисменты. Приш чуть ладони не сбил, так громко хлопал. А Лиза даже завизжала от восторга, настолько понравилось. Всю дорогу до постоянного двора щебетала: пересказывала увиденное.

Даже в трактире никак не могла уговориться.

– Это что ж такое интересное вы рассказываете, барышня? – поинтересовался хозяин постоянного двора.

– Сказку! – выпалила Лиза. – Про тёмный путь и людей на нём. Мальчика, девочку и дяденьку. Они шли к радуге, а

за ними гналось огромное чудовище.

Плут приглашающе махнул рукой. Приш с семьёй расселись за столом. Мохноног накрывал, а Лиза всё трещала. Приш подвинул к себе тарелку с окрошкой, взял ломоть свежего ржаного хлеба и принялся есть – проголодался. Целый день на воздухе. Тут хочешь не хочешь, а аппетит нагуляешь. Плут водрузил на стол кувшин с травяным чаем, пышные слойки и розетки с вареньем. Можно макать слойку в варенье и запивать настоем. Красота!

Приш набивал желудок и рассматривал постоянный двор. Массивные столы и под стать им скамьи из северного дуба. Гладко отполированные, покрытые тёмной морилкой и лаком. Такие и великана выдержать смогут, не сломаются. На стене горят огоньки. У Приша тоже есть дома огонёк, похожий на белую шапочку одуванчика. А здесь их так много, что свет придаёт залу праздничное настроение. Красивая магия. Высокая стойка, за которой обычно находится хозяин постоянного двора. А на полках за стойкой чего только нет. Толстые пузатые бутылки подпирают друг друга: хрустальные, из толстого стекла, глиняные, даже кожаные – среди них Приш разглядел и сидр Яблоневого долина. Стало приятно за свой труд.

– И тут перед ними дверь появилась, и они все вернулись домой, – Лиза умудрялась говорить даже с набитым ртом. – Хорошая сказка.

– Хорошая, – подтвердил Плут, – только не сказка, а быль.

Несколько десятилетий назад всё произошло.

На пол с громким звоном упала ложка – мама от удивления выронила.

– Что вы такое говорите, господин хороший? – с тревогой спросила она.

Плут пододвинул табуретку к столу и сел рядом.

– Чистая правда, госпожа Марта, клянусь гильдией дорожников! Мой дядюшка Флут рассказывал, когда я ещё пешком под стол ходил. Именно к его постоялому двору и вывел путников тёмный путь.

Внутри Приша полыхнуло: ничего себе! Оказывается, это чистая правда. Не может быть! А Плут продолжал:

– Говорят, что существует три пути, проходящие через миры Темногорья: светлый, тёмный и серый. И по ним можно попасть в странные места, куда так просто доступа нет.

У Приша от удивления рот открылся: ничего себе! Правда, он сразу же его захлопнул – вредная привычка так сильно изумляться. Приш слушал и мечтал: вот бы ему пройти по одному из путей. Столько бы всего удивительного увидел, было бы что Алисе рассказать. Да и в её глазах он сразу героем стал бы.

Мохноног зажёл лампу, вокруг которой запорхали белые мотыльки.

– Только одолеть эту дорогу можно лишь втроём, – повествовал он. – Никто не должен отстать или потеряться по дороге. И тогда возможно дойти до радуги, где исполняются

самые заветные желания. Любые, даже несбыточные.

Мысли Приша сразу же скакнули: а что бы он загадал? Чтобы Алиса в него влюбилась? Так она и так сразу его полюбит, как только он путь одолеет. Ведь это не каждый может. Что же тогда? Узнать, кто его настоящие родители? Да, хочется, но жалко на это единственное желание тратить, когда есть вещи важнее. Лучше пусть Марта и Вилли живут долго и счастливо. Здоровья бы им побольше. Да, хорошее желание, нужное.

– А ещё дядюшка поведал, что вроде бы существует второй путь – бесцветный, о котором никто ничего толком не знает, – Плут всё рассказывал о путях. – Но это только слухи.

Мохноног погасил лампу, и всех потянуло в сон. Хозяин постоялого двора отвёл гостей в комнаты. Пришу досталась небольшая, но очень уютная. Стены обиты деревом, над кроватью висит картина с морем и кораблём. Рядом ванная комната, отделанная голубой мозаикой. Приш подумал, что надо бы принять ванну, но смог лишь добраться до кровати – дремота сморила. Не зря говорят, что дорожники владеют секретом приготовления чая, дарующего крепкий сон. Всю ночь Пришу снился луг, покрытый цветами: сиреневыми, оранжевыми, голубыми, розовыми, алыми, бледно-жёлтыми. А над ними повисла радуга.

Глава 3. Подарок для Алисы

После сна осталось приятное послевкусие. Словно случилось что-то настолько хорошее, что сердце от этого стало огромным и теперь не уместается в груди. Вскоре постучали: мама позвала завтракать. Внизу уже собрались постояльцы: кто-то распродал товар ещё в субботу и теперь собирался домой, а кто-то вновь спешил в ряды. Приш от души зевнул: рано разбудили, на улице ещё темно, солнце только поднимается. И будто в ответ на его мысли сразу же засияла башня тысячи вокзалов – точно её стены были покрыты отполиро-

ванными пластинами. Хотя ничего такого Приш прежде не замечал.

Он заинтересованно взглянул в окно: нет, надо будет как-нибудь залезть на башню – для него это пара пустяков. Он на любой вертикальной поверхности держится легко, повезло с присосками. Обычно они незаметны, спрятаны в подушечках пальцев. Зато при необходимости появляются. Приш посмотрел на руки: удобное приспособление, многие парни завидуют.

Рассвет добрался до крыш и окрасил их в алый. Затем засверкали окна, будто их хорошенько отмыли. Заблестела листва, тронутая первой позолотой. Всё же на дворе урожайник² – начало осени. Совсем скоро листья побуреют и облетят, зато появятся белые мухи³ и наступит зима. Но до этого далеко. Они успеют собрать урожай поздних яблок и сделать самый лучший напиток – сидр.

В соседнем доме кто-то отворил окно, и солнечный луч попал прямо в глаз Лизе. Она зажмурилась и несколько раз чихнула. Смешная у неё привычка – всё время чихает на солнце. В это время подоспел завтрак: Плут принёс стакан молока для сестрёнки и кувшин морса – для остальных. Поставил черничный пирог и тарелку печенья. Так рано плотно есть не хочется, а вот перекусить – самое то.

Лиза выпила молоко, и теперь над губой виднелась белая

² Урожайник – сентябрь.

³ Белые мухи – снег.

полоса.

– У тебя молоко на губах не обсохло, – давясь от смеха, сообщил Приш.

С сестрой вечно так – умудряется испачкаться. То после пирога останутся черничные усы, то, как сейчас, – словно мыльная пена. Глаз да глаз за ней нужен, иначе так и пойдёт на улицу. Приш передал Лизе полотенце и проследил, чтобы она тщательно вытерлась. А то будут над ней смеяться.

На улице было прохладно – всё же начало осени. Днём ещё пригревает солнце, и кажется, что на дворе лето, но ночь не обманешь. Приш накинул на себя куртку и забрался в повозку. Рядом примостилась мама с Лизой, папа залез на облучок. Мама укрыла Лизу пледом, та немного посидела, а после свернулась калачиком и уснула. Телега мелко тряслась по мостовой, и Приш разевался. Как же спать хочется! Да и ладно, что он здесь не видел? В следующие выходные придут с новым урожаем. Он примостился рядом с сестрой и задремал.

Дома Приш помог родителям разобрать повозку. Мама принялась хлопотать по дому, а они с отцом отправились в сад – следовало сорвать поспевшие яблоки, пока не попадали. А то побьются и начнут портиться. Их тогда только на варенье. Хотя мама варит такую вкуснятину, что пальчики оближешь: каждая долька будто плавает в янтарном сиропе. Уметь надо.

Вечером Приш достал цепочку: до чего же красиво. Алисе

точно понравится. Завтра Приш вручит подарок и пригласит Алису на свидание, а там будь что будет. Хотел убрать украшение, а Лиза тут как тут:

– Ой, что это у тебя?

Всё время она незаметно подкрадывается. Как лисичка.

Приш показал цепочку.

– Ой, какая хорошенькая, – Лиза запищала от восторга. –

Это кому?

– Алисе, – смутился Приш. – У неё завтра день рождения.

Лиза захлопала:

– Я знала, знала, что она тебе нравится!

Приш покраснел: хоть у него кожа бронзового цвета, а всё равно предательская краска выдаёт. Но молчать не мог – словам стало тесно в груди, чувством хотелось поделиться со всем миром.

– Да, – ответил он. – Наверное, я её на свидание приглашу.

А сам покосился на сестрёнку: как она воспримет? Не высмеет ли? Но Лиза лишь запрыгала:

– Замечательно! Она согласится! Вот увидишь! Ты самый лучший.

Конечно, Лиза его любит – ведь она сестра, но стало легче. Завтра всё получится!

Понедельник, как по заказу, получился солнечным и тёплым – хорошее предзнаменование. Приш с утра бы побежал к Алисе, но работу никто не отменял. Сначала дела, потом

всё остальное. Он едва не взлетал на деревья – хотелось быстрее освободиться. Отец только удивлялся такой прыти, а Лиза подхихикивала – она-то догадывалась, в чём дело, но молчала.

Яблоки сложили в корзины и погрузили в телегу. Пришу хотелось соскочить с повозки и бежать: до чего всё медленно! Эх, были бы у него крылья... Птицей бы метнулся, а приходится ждать. Так что дома помог отцу выгрузить корзины, схватил подарок и побежал к Алисе. Хоть бы она дома была! А то ему не терпится скорее увидеть её. Да и решимость страшно растерять. Как бы снова все слова не позабыть.

Приш побежал по деревне – его дом находился чуть выше остальных в долине, на склоне. Если посмотреть с моста вниз, то видны лишь глиняные крыши – будто пряники рассыпались посреди зелёного плюша. Всё утопает в зелени: яблони повсюду. Осенью долина меняет убранство на золотой наряд, а зимой – на белый. И всё время так красиво – до сердечного замиранья. Вроде видишь каждый день, но, когда остановишься, присмотришься – всё, это любовь навсегда. И не представить, как можно жить где-то в другом месте. Он бы, Приш, не смог. Здесь его дом.

Пока мчался, обо всём передумал, только не о нужном. А когда добрался до центра деревни, где возле маленькой площади расположился дом Алисы, понял, что все правильные слова выветрились. И сердце бешено заколотилось от волнующего предвкушения, да так, что голова закружилась и на

ногах удержаться – никакой возможности.

Приш отошёл за ближайшее дерево – надо успокоиться. А то наговорит всякие глупости. Он несколько раз глубоко вздохнул. Нужно собраться. Достал из кармана свёрток и приготовился. И тут раздался стук: кто-то кинул камешек в окно. Приш высунулся из-за яблони: неподалеку стоял Маттис – парень с другого конца деревни. Ему недавно исполнилось шестнадцать. Высокий, плечистый, с румянцем во всю щёку – словно сошёл с вывески молочной лавки. Мол, пейте свежее молоко, ешьте сметану и станете такими же здоровыми.

Приша затошнило: что этот здоровяк здесь делает? Неужели... Дверь распахнулась, и на крыльцо вышла Алиса. – Привет, Маттис, – улыбнулась она.

А у Приша сжалось сердце – почему она так любезна с этим переростком? В ушах зазвучал набат: внимание, опасность!

– Я прослышал, у тебя день рождения. Поздравляю.

Да кому нужны его поздравления?! Приш сглотнул: волнение комом встало в горле.

– Спасибо большое!

Отсюда не рассмотреть, что Маттис вручил Алисе. А тот не промах: тянется к ней губами, решил поцеловать. Словно кровавая пелена перед глазами. В ушах гул, руки сжались в кулаки. Да как этот придурок смеет?! Что он себе вообразил?! Приш не помнил, как выскочил из укрытия, как набро-

сился на Матгиса, забыв обо всём.

– Отойди от неё! – лишь яростный крик, а дальше безумие, стирающее память.

И локти ходят взад-вперед, следом за кулаками. Матгис сначала и не пытается защищаться, лишь уворачивается. Но потом и он начинает работать руками, и Пришу тоже достаётся. А на краю сознания слабый шёпот: «Приш, Матгис, не надо! Вас же...»

Приш обмяк, поняв, что натворил. Матгис тоже замер, удивлённо разглядывая свои руки, будто не веря, что мгновение назад молотил ими соперника. Алиса испуганно воззрилась на них:

– Вы что... Вас же... Нельзя же так!

И замолчала. Хороший Алисе достался подарок на день рождения. Никому такого не пожелаешь. И сделанного не скрыть: уже подтянулись односельчане. А это значит... Приш сглотнул. Господи, что же он натворил?! В долине запрещены драки – от этого будущий урожай портится, яблоки начинают горчить. Что же с ним будет?

Подошёл отец и мотнул головой в сторону дома: мол, иди к себе. Приш ссутулился и отправился назад. Выроненная цепочка осталась лежать рядом с крыльцом.

Глава 4. Золотой город

Если смотреть на Алтанхот с высоты птичьего полёта, сразу бросается в глаза геометрическая точность, с которой построен город. По центру – дворец правительницы, напоминающий диск солнца. От него лучами разбегаются улицы. В одном из миров Темногорья известна поговорка: «Все дороги ведут в Рим». А в Алтанхоте знают: поместье из розового мрамора – центр мира. Ведь именно там живёт повелительница Золотого города – другое название Алтанхота.

У Золотого города серебряная царица. Мёнгере правит уже пять лет – с тех пор, как по праву заняла трон, выточен-

ный из бивней вымерших гигантов. Их кости изредка находят в пустыне, когда жадные пески уступают напору ветра. Большая часть идёт на продажу в соседние города, но часть бивней оседает в Алтанхоте и служит украшением покоев правительницы. Ведь Мёнгере – живое воплощение Луны, дочь серебряного дракона и жрицы Храма.

Храм небесных светил находится неподалёку от дворца. Именно он поставляет цариц Золотому городу. Раз в пять лет проходит избрание. Девушки от двенадцати до шестнадцати лет получают шанс занять трон Алтанхота. Но не все, а только самые красивые – воспитанницы Храма. Девушек собирают во дворце, рядом с ними становится правящая царица – в этот миг она уравнивается с другими. Лишь совершенство служит пропуском к дальнейшей власти.

Цариц в Алтанхоте было много, а вот живых воплощений Луны мало. Мёнгере вторая за время существования города. Значит, ей суждено править долго и счастливо, сохраняя молодость до самой смерти. А дочь лунного дракона будет жить очень долго – с красотой отца ей передалось и его долголетие.

Мёнгере подошла к блестящей пластине и придирчиво осмотрела себя: на завтрашнем испытании ей некого опасаться. Кожа такая тонкая, что, кажется, под ней можно рассмотреть водную сеть вен. И настолько светлая, что цветом напоминает вешники – цветы, растущие в сердце пустыни. Те даже белее древних костей, над которыми веками труди-

лись песок и ветер. В лунном отблеске кожа начинает тускло мерцать, лишней раз доказывая связь правительницы с небесным светилом. Волосы оттенка потемневшего серебра дождём ниспадают до самого пола, а огромные глаза цветом напоминают чернила, разбавленные водой. Недавно во дворец приносили полудрагоценные камни, аметисты. Царица приказала сделать из них серьги, чтобы подчёркивали глаза.

Губы у Мёнгере чуть пухлые. В самую меру. Правительница идеальна: тонкими руками, изящными ступнями, длинными ногами, узкой талией. Всем своим обликом она напоминает фарфоровую статуэтку: прекрасную и хрупкую. Никого нет краше в Золотом городе. И скоро все вновь в этом убедятся. А невезучие претендентки навсегда скроют лица плотной тканью и отправятся обратно в Храм небесных светил.

Даже странно, что именно её мать, из отверженных неудачниц, удостоилась внимания лунного дракона. В легендах рассказывается о драконах, солнечном и лунном, которые иногда посещают Землю в человеческом облике. Мёнгере хлопнула в ладоши, к ней тотчас подбежала служанка, до этого прятавшаяся за колонной, чтобы не оскорблять взор царицы своим неидеальным видом.

– Я желаю слушать сказку о драконах, – повелела правительница.

Служанка склонилась в поклоне, села в ногах Мёнгере и начала речь:

– Давным-давно, когда не было ни ночи, ни дня, жили-были супруги: Луна и Солнце. Всё время на небосводе проводили они рука об руку. Не было на свете более любящей пары, пока не случилась между ними размолвка. Прилетела как-то в дом супругов серая птица, сорока. Долго вертелась рядом с ними, охала и ахала, а потом сказала:

– Гляжусь я на вас, уважаемые Солнце и Луна, и никак не пойму: кто же из вас красивее? И вы, прекрасная Луна, всем хороши, но и вы, Солнце, ничем не хуже. Как же мне, бедной, узнать, кому из вас следует больше поклоняться?

Приздумались супруги: на самом деле, кому же? Первой слово взяла Луна:

– Конечно же, мне. Ведь все знают: я круглобокая и блестящая.

Но Солнце ответило:

– Я тоже круглобокое, не хуже тебя. И сияющее. Рядом со мной тебя сложно заметить.

Луна не согласилась:

– Ты ослепляешь. На тебя никто долго смотреть не может, ты ранишь глаза. Зато мной можно любоваться без усталости.

Усмехнулось Солнце:

– Все знают, что своего света у тебя нет. Ты и блестяшь только потому, что отражаешь меня.

Обиделась Луна, тяжело ранили её речи супруга. Так, слово за слово, они рассорились. Ударило Солнце в сердцах Лу-

ну, да с такой силой, что отломился от неё один бок и искрами разлетелся в разные стороны. С тех пор на небе сияют звёзды. В слезах убежала Луна от мужа на другой край небосклона, оставляя за собой белый шлейф. И эта дорога теперь называется Млечным Путём.

Так и живут Луна и Солнце, не видя друг друга. С Луной воцарилась ночь, а где Солнце – там день. В память о прошлом Луна каждые четыре недели становится полной. А потом день за днём тает от боли и горечи. А сорока, которая послужила причиной ссоры, поменяла цвет на чёрно-белый, как ночь и день. И всем известно: сорокам верить нельзя.

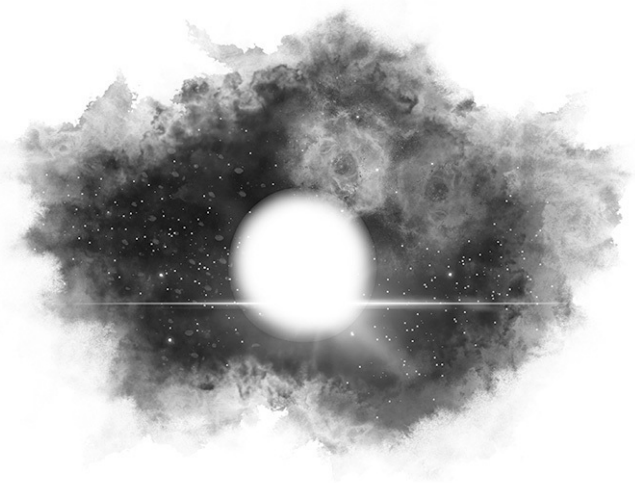
Мёнгере вздохнула: легенда старинная и очень длинная. Пока дождётся, когда речь пойдёт о драконах, заснуть можно. Но боги не любят, если люди проявляют неуachtивость. Поэтому надо придерживаться повествования с особой тщательностью. Служанка перевела дух и продолжила:

– Хоть и велика была обида, а любовь всё же сильнее. Всеми силами пытались дотянуться Луна и Солнце друг до друга. Но могли лишь посылать лучи, как восточку. И когда встречались лунный и солнечный свет, рождались драконы: серебряные и золотые, дети небесных светил. Только одно огорчало родителей: детей было мало и лишь одни мальчики. Потому наделили они их способностью превращаться в людей, чтобы драконы могли продолжить свой род.

Мёнгере повернула голову и вновь увидела свое отражение. Ничего драконьего в ней нет. Как там в храмовых описаниях? «Дракон трижды обернулся вокруг Храма. Телом он походил на огромного змея. Под кожей перекачивались мышцы, будто огромная волна шла от хвоста к голове. Цвет чешуи напоминал чищенное серебро: почти белая. От неё исходил слабый свет. Жрицы вышли из Храма и склонились в приветствии. И тогда дракон обернулся мужчиной, высоким и статным. В его глазах отразился Млечный Путь: казалось, что в них плавают туман. Серебряные волосы длиной достигали бёдер. Он подошёл к одной из жриц, взял её за руку и повёл внутрь Храма». Что ж, Мёнгере не дракон, но обликом она пошла в отца, а не в мать-неудачницу.

«Наверное, лица, как всегда, были скрыты, вот он и выбрал мать», – Мёнгере никак не могла понять, что заставило дракона отдать предпочтение жрице, а не тогдашней правительнице города. Хотя царицам портить беременностью фигуру нельзя, но это тот случай, когда возможно исключение. Или нет? Но кто бы воспротивился воле сына богов? Его выбор был бы ясен. А жрица... Да, лишь красивые девушки служат в Храме, но все они, все, хуже царицы. А так бы она, Мёнгере, была ещё прекраснее. Ведь нет предела совершенству.

Глава 5. Правительница Алтанхота

Светила луна. Мёнгере стояла на балконе своих покоев и смотрела вверх. На её лицо падал звёздный свет. Внизу шелестели пальмы. Их шум смешивался с пением песков, окружающих Алтанхот. Лишь восточной стороной город соприкасался с рекой, белой Омирук, но звуки оттуда не доносились, их относил ветер. А ветер звал, бередил душу, навевал тоску. И Мёнгере не выдержала: взмахнула руками, оттолкнулась ногами от мраморной плитки и взлетела драконом.

Серебряный дракон стрелой разрезал ночное небо. Воздух свистел в ушах, с силой бил в морду зверя. Но дракон наслаждался: долгожданная свобода.

Прочь из дворца, из Золотого города! Туда, где светит луна – небесная бабушка. С каждым взмахом крыльев он поднимался всё выше. Над плоской крышей розового дворца, над острыми скатами Храма, над домами знати и простолюдинов. Все здания построены из светлого песчаника, который добывается в горах по соседству. Только часть домов украшена жёлтым мрамором, который и дал городу название – Золотой. Его привозят с юга в больших количествах, хотя беднякам он всё равно недоступен.

А вот редкий розовый мрамор везут издалека, откуда-то из-за моря. Омирук на севере впадает в Великий океан. Говорят, за ним есть другие земли и страны. Климат там более суров, а люди носят тёплые одежды. Во дворец как-то приводили торговцев, они рассказывали удивительные вещи. Про огромных мужчин, у которых волосы растут на лице, про диких зверей. На массивных кораблях мрамор привозят в устье Омирука, где распродают всю партию. Затем на местных плоскодонках его сплавляют вниз по реке. За время путешествия цена мрамора вырастает в несколько раз. Ведь пересечь Великий океан под силу лишь опытным мореплавателям. А потому розовый дворец – редкая жемчужина Чёрного побережья⁴.

⁴ Чёрное побережье – название материка, где расположен Золотой город.

С трех сторон Алтанхот окружает пустыня. Её золотой песок приносит в город злой самум. И тогда Алтанхот словно лежит на грудах золота. Такое бывает во время порубежника⁵, на границе зимы и весны. В это время ночи настолько холодные, что приходится накидывать палантин, а ветер свистит все дни напролёт, засыпая город песками. Но вскоре приходит весна и распускается вешник, первый привет тепла.

Дракон сделал виток и повернул к реке. В лунном свете она будто бы замерла, сделавшись похожей на пролитое молоко. Дракон нырнул в светлые воды и, изгибаясь всем телом, поплыл, оставляя за собой волны. Несколько раз он погружался вглубь, распугивая рыбу. Даже речные чудовища – закованный в броню крокодил и мощная речная лошадь – постарались убраться с дороги. Дракону они на один зуб.

Серебряный зверь вынырнул и поднялся ввысь. Его тянуло к единственной чёрной точке – Храму небесных светил. Тёмное, мрачное здание словно поглощало свет. Стены из тяжёлого базальта с крохотными окнами давили на пространство. Внутри всегда царили полумрак и прохлада. Разглядеть что-либо можно было с трудом: окружающие предметы скрывались в тени. Да и сами жрицы в своих мрачных одеждах походили на тени. Вот и сейчас одна из них поднялась на крышу Храма. Драконье зрение позволило разглядеть её до мельчайших подробностей. Невысокая, стройная.

⁵ Порубежник – февраль.

Смуглая кожа, видимая на открытом лице. И большие миндалевидные глаза цвета раухтопазов. Они смотрели с тревогой, страх выплёскивался из них наружу и с головой топил дракона. Просыпаясь, Мёнгере слышала слова: «Берегись!»

Правительница вскочила: сердце билось, словно собираясь вырваться из клетки груди. Сон... Всего лишь сон. А ведь ей понравилось быть драконом. Ну почему? Почему ребёнок дракона и человека рождается человеком? Она, внучка богов, должна вести образ жизнь смертного. Не совсем обычную жизнь, но и не ту, которой она достойна. А ведь так хочется отправиться за Великий океан, узнать, что находится в северных землях. Потрогать загадочный снег, который из белой и холодной ваты превращается в воду. Узнать про птицу из легенды – сороку. Говорят, она живёт где-то там. Будь Мёнгере драконом, она бы правила миром. Золотой город – достойный алмаз, но он лишь малая доля всех сокровищ. Все народы должны поклониться серебряной правительнице.

Странный сон. Что это за женщина из Храма? Понятно, что жрица. В Храме их около пятидесяти. Всеми руководит настоятельница. У неё две помощницы: одна заведует хозяйственными вопросами, вторая отвечает за поклонение богам. Именно она отбирает девочек в Храм. Каждый год вторая помощница объезжает город и проводит смотр среди семилеток. Самых красивых забирает с собой – они будут служить небесным супругам. Мало кто из девочек попадает в Храм, отбор очень суров. Да и в любой момент новая по-

слушница может отправиться назад – если у неё появится какой-либо недостаток.

После двадцати пяти лет все жрицы уходят из Храма – богам не нужны старухи. Лишь настоятельница и её верные помощницы покидают свой пост со смертью. Послушницы лиц не прячут – это произойдёт только после выбора правительницы. До этого девочки служат в Храме, выполняя разные поручения старших. А ещё учатся. Мёнгере никогда не общалась с другими – её держали отдельно. С детства она понимала свою исключительность – ведь она родилась в Храме.

Мёнгере не знала, что такое семья, – у неё не было ни отца, ни матери. Точнее, были, но она никогда не видела никого из них. Лица всех жриц скрыты тканью. Ни одна из них не выказывала девочке особого расположения, не гладила по голове, не прижимала к себе. Всего этого Мёнгере не знала и не нуждалась в ласке. Живым богиням бесполезны смертные родственники, достаточно небесных.

Тем более у неё всегда был друг, тайный. Кроме Мёнгере его никто не видел. Рыже-серый пушистый зверёк с большими глазами и длинными ушами и хвостом. Похожий на пустынную лисичку, фенека, только меньше. Фенека Мёнгере видела, когда с несколькими жрицами отправилась в пустыню. Ей, как родившейся в Храме, устраивали прогулки за его пределами, чтобы она видела людей, как они живут. Во время поездок её лицо закутывали, как и остальным, оставляя лишь узкую щель для глаз. Позже Мёнгере поняла зачем –

чтобы никто не узнал о дочери дракона. Ведь тогда её жизнь могла подвергнуться опасности. В Храме её защищали, а на улице много возможностей, чтобы убрать растущую конкурентку.

Тем страннее, когда ей стали устраивать уроки выживания. Началось это, когда Мёнгере исполнилось пять. Помимо языка, математики, истории, географии и астрономии её начали учить тому, что никогда не пригодится вечной правительнице Алтанхота. Приготовлению пищи, разведению костра, владению оружием и навыкам самообороны. Сразу несколько жриц, отвечающих за охрану Храма, каждый день проводили с ней тренировки.

От усталости Мёнгере порой не могла уснуть. И тогда прибежал друг, девочка дала ему имя – Хухэ, малыш. Хухэ ложился рядом, сворачивался в клубок, а Мёнгере гладила его. Хухэ начинал посвистывать, и вскоре девочка засыпала. Но с тех пор, как Мёнгере стала царицей, Хухэ исчез. Видимо, решил, что она слишком взрослая для него. В последний раз он появился, когда Мёнгере отвезли в пустыню и оставили там, дав с собой лишь два бурдюка с водой и пшеничные лепёшки. Он показался за барханом, когда она, выбившись из сил, не знала, куда ей дальше идти. Хухэ появился и пропал, но Мёнгере верно выбрала направление и вернулась в город.

До этого её полгода учили разбираться в звёздной карте и картах, составленных проводниками караванов, а заодно читать знаки в пустыне. Охотиться, ставить ловушки, самой

изготавливать лук и стрелы, находить воду – странные занятия для будущей правительницы. Много времени проводили и на воде – Мёнгеру училась плавать и ловить рыбу. А ещё готовить лекарства из растений. Зачем ей всё это? Уже пять лет она правит городом, и ни одно из этих умений не пригодилось. Да и в будущем не понадобится.

Появились служанки. Одна помогла правительнице избавиться от ночной сорочки, вторая держала на руках приготовленное платье. Серебристо-серое, оно шёлком окутало фигуру, выгодно подчеркнув достоинства. Сегодня все вновь убедятся, что Мёнгеру лучшая. Затем прислужницы приступили к волосам: осторожно расчесали длинные пряди и уложили в высокую причёску. Вдели в уши аметистовые серьги, нацепили на руки широкие дымчатые браслеты, выкованные из небесного камня. Тот упал в горах с оглушительным взрывом, до этого прочертив на небе огненный путь. Многие сочли это плохим предзнаменованием, но правительница велела найти и привезти камень. Из него получились неплохие украшения.

Мёнгеру повели в тронный зал. Она шествовала мимо толстых колонн, украшенных искусной резьбой, мимо высоких, до потолка, окон, в которые было вставлено редкое стекло. По мраморным плиткам с изображениями зверей: льва, охотящегося на антилопу, жирафа, тянущегося к ветке. Мимо портретов бывших правительниц, вдоль мраморных стен,

от которых веяло прохладой. По своему дворцу.

А вдали звучал хор, приветствующий серебряную царицу Золотого города. Гимн отражался от потолка, дребезжал в окнах, отскакивал от колонн. Казалось, поёт сам дворец.

*Подобная Луне,
Серебряная, как звёзды,
Что сияют в ночи.
Ты идёшь,
И тебе поклоняются все.
Ноги твои – две быстрые газели.
Руки подобны юрким змеям.
Глаза – бриллианты.
Ты идёшь,
И радуются наши сердца:
Идёт прекрасная,
Живое божество.
Ликуйте, люди!*

Хор торжествовал, и Мёнгеру вслед за ним. Алтанхоту не нужна другая правительница. Мёнгеру справится с этой ролью лучше остальных. Золото отлично сочетается с серебром. Она вошла в зал и посмотрела на претенденток: всего четверо, негусто. Пять лет назад рядом с Мёнгеру стояли шестеро. С каждым годом красавиц становится всё меньше. Скоро некому станет служить в Храме небесных светил. Да и зачем они нужны? У города есть она. И совсем скоро Мёнгеру завоюет власть над всем миром. Её войска шагом прой-

дут по странам, устанавливая власть серебряной царицы.

Правительница ещё раз взглянула на соперниц. Странно. Показалось, что одна из них бликует. Жёлтое свечение... Что это?! И сердце камнем рухнуло в живот: похоже, у Золотого города будет другая царица – золотая. Дочь солнечного дракона.

Глава 6. Первый изгнанный

Весь вечер Приш провёл в своей комнате, спрятавшись от домочадцев. Да и они точно забыли про него. Даже Лиза не тревожила брата. Мысли лихорадочно скакали, возвращаясь к главной: он поправил закон долины. Можно защищать свою жизнь или имущество, но выяснять отношения с помощью кулаков – нет. Даже дети старше пяти лет знают это правило, а он, Приш, сорвался. И что теперь? Что с ним будет? О том, что ждёт нарушителя, думать не хотелось. Эх, пусть бы это был сон, просто сон. Неужели ничего нельзя исправить? И Алиса... От дум о ней стало ещё хуже. Позвал на свидание,

называется. С днём рождения поздравил. Какой же он дурак! Приш трижды ударил себя кулаком по лбу. Глупец! Почему у него всё не как у людей? Хотя... Он же и не человек, точнее, не обычный человек. Он пришелец из другого мира. Может, на его родине всё по-другому? Но не узнаешь. Где он, а где его мир... Туда не долететь. Или... Есть же башня тысячи вокзалов. Правда, Приш никогда не слышал, чтобы кто-то из знакомых путешествовал по иноземью, но он может стать первым. Отправится туда и отыщет родной дом. И родителей, настоящих. Они его пожалеют, наверное. Если живы.

Дверь скрипнула.

– Сынок, поужинай, – Марта принесла тарелку с едой.

Приш обиженно засопел, мол, ничего мне от вас не надо. Будто другие виноваты в его бедах. И мать тихо вышла. Тут он не выдержал и разрыдался, как девчонка. Что с ним будет? Как же страшно. Он не хочет, не может... Он же не специально сорвался! Приш сам не понимает, что с ним произошло. Ярость оказалась сильнее благоразумия. Да и Маттис тоже дрался! Хотя он всего лишь защищался. Но всё равно несправедливо.

Хлопнула входная дверь – вернулся отец. И Приш замер, как испуганный заяц, его пробил холодный пот. Наверное, папа принёс известия. Хорошие или плохие. Сердце заколотилось, точно в истерике, стало нечем дышать. Паника грозила сожрать как голодный зверь. Но тут на пороге комнаты

появился отец и позвал на кухню. Приш быстро вытер слёзы и вышел к домашним. А дальше как в тумане.

У мамы неестественно белое лицо. Лиза сидит в углу, как надувшаяся мышь, непривычно молчаливая. А отец... Его всегда спокойный, уверенный в себе отец отводит взгляд, его руки трясутся.

– Вот что, – отец сглотнул, будто слова застряли комом в горле, – мы поговорили и надумали, что решение отложим до завтра. Давно не было ничего такого в долине. Может, и обойдётся. Только ты, сынок, побудь пока дома. Не надо тебе на улицу.

Конечно, не надо. Да у Приша и духа не хватит показаться, нужно отсидеться, пока память о его проступке не сотрётся. А там видно будет. Может, как сказал отец, и образуется всё.

Приш вернулся к себе. Внезапно проснулся аппетит, он навернул тарелку кукурузно-тыквенной каши. Очень вкусная. Мама всегда добавляет в кашу сливочное масло и мёд, поэтому сладко и сытно. Приш выпил чай с вишнёвым пирогом. Странно, что мама не испекла яблочный, как обычно, но думать об этом не хотелось, как и о другом. Приш разделся и лёг в кровать, пусть этот день быстрее кончится.

Утром он проснулся и выглянул в окно. На ближайшей яблоне Приш увидел потемневшие листья и яблоки – вся нижняя ветка побурела за ночь. И вчерашний страх вернулся – не обошлось. Проклятие на нём, Прише, и на долине. Теперь день за днём будет разрушаться любимый дом. А средство

только одно... И от этого никуда не деться. Да он и сам не хочет стать причиной гибели родного места. Приш вышел в горницу. Мама и Лиза тоже смотрели в окно, отца не было.

Он подошёл к маме и обнял. Рядом уткнулась Лиза. Что тут говорить? И так всё понятно. Сестрёнка тихонечко закулила, Приш потрепал её по голове. Ну вот что делать? Что? Только одно – он должен уйти. Но как же не хочется. Приш мечтал о путешествиях, далёких мирах, заглядывался на башню... Но не представлял себя вне Яблонево́й долины. И не знает, как жить дальше.

Возвратился отец. Ничего не сказав, сел за стол. Обхватил голову руками и молчал. И от этой безысходности стало ещё хуже. Видимо, в глубине души Приш надеялся – папа что-нибудь придумает. Ведь с ним можно не бояться ничего на свете, он защитит ото всего. А теперь... Теперь Пришу придётся самому отвечать за себя. Не получится больше прятаться за широкой отцовской спиной.

– Когда, Вилли? – почему-то в мамином вопросе Пришу послышалось карканье вороны.

– Сегодня, Марта, – ответил отец. – По всей долине пятна пошли. Очень быстро распространяется. Нельзя ждать.

Мама охнула и грузно села на скамью, точно ноги подкосилились. Лиза залилась пуще прежнего.

Приш откашлялся:

– Я знаю и готов.

Он изо всех сил старался казаться уверенным, а не то как

сестра – сядет рядом и будет рыдать.

– Тогда давайте собираться. – И Пришу почудилось, будто жизнь раскололась на две части: до и после. И что ждёт его в «после» – неясно.

Сборы вышли тяжёлые. Мама пыталась составить список, но у неё ничего не выходило. Тогда отец решил:

– Оставь, Марта. Сейчас приготовим самое необходимое, денег дадим. А потом приедем к нему и привезём остальное. Ведь не на всю жизнь расстаёмся. Просто он теперь в городе жить будет.

А ведь на самом деле! Это Пришу нельзя появляться в долине, а остальным навещать его можно. Немного полегчало. Пока остановится на постоялом дворе Плута. Затем узнает, у кого из жителей можно комнату снять. В школу запишется, в златнике⁶ как раз уроки начнутся. И подработку себе найдёт, чтобы у родителей на шее не сидеть. Ведь им тяжело придётся без помощника – Лиза ещё маленькая.

Через три часа все были готовы.

Отец запряг лошадку, Приш в который раз проверил вещи: всё ли на месте? Хотя родители дали денег, но лучше их не тратить, оставить про запас. Кто знает, что может произойти в чужом городе?

Всей семьёй сели в повозку: мама и Лиза проводят его до моста. А там они расстанутся, до выходных. На целых пять дней. Не верится – никогда ещё такого не было. Не готов

⁶ Златник – месяц, соответствующий нашему октябрю.

Приш к разлуке. А тут ещё Лиза вцепилась в него как клещ и отпускать не желает.

– Давайте вместе с Пришем поедем! Не хочу без Приша.

Ну куда родителям без долины? Это как дерево без корней попробовать пересадить на чужое место. Погибнет. Он крепко обнял сестрёнку:

– Скоро увидимся. Вот увидишь – даже соскучиться не успеешь. Знаешь как быстро время пролетит.

А у самого сердце заныло, словно в нём образовалась пустота и там целыми днями ветер насвистывает грустную мелодию. И вдруг крик, далёкий и слабый:

– Подождите!

Алиса! Бежит изо всех сил. Волосы растрепались, сама красная – запыхалась. Бросилась.

Пришу на шею и расплакалась. И сказать ничего не может. Лишь потом с трудом вымолвила:

– Я приеду в город. Упрошу родителей. Жди меня! На ярмарке встретимся.

И пихнула что-то ему в руку, записку. Поцеловала в щёку и убежала обратно. Видимо, чтобы домашние не узнали, что она к Пришу бегала. А в записке всего три слова: «Я тебя люблю».

Глава 7. Незнакомец

Приш с тоской смотрел в окно: отцовская повозка уменьшалась на глазах. А вскоре и вовсе скрылась за поворотом. Вот и всё: он остался один. Отец привёз его в город, договорился с хозяином постоялого двора и уехал, чтобы вернуться до ночи. Теперь Пришу предстояло решать все вопросы самому: и с подработкой, и с учёбой, и с проживанием. Правда, Плут, хозяин гостиницы, обещал помочь. Он очень распереживался, узнав, в чем дело. Никак не мог поверить.

«Да разве бывает, чтобы из-за мальчишеской драки изго-

няли? О-о-очень странно. Для парней драка – обычное дело», – Приш вспомнил слова Плуто.

Вот и выходит, что никакой он, Приш, не монстр, а обычный парень. Только обычный для всего мира, а не для Яблонево́й долины. Эх... Ничего не исправить. Даже захоти он возвратиться, не сможет. Для него путь навсегда закрыт. Будет бродить рядом с домом, а дорогу не найдёт. Долина не для всех. С давних пор так повелось. И вот теперь Приш среди отверженных, даже не верится. Кажется, что это сон, навяждение. Что вот сейчас откроет глаза, и всё будет по-старому. Как?! Как вернуться назад и всё отменить? Он бы многое отдал, чтобы поправить сделанное.

Приш развернул записку, и сердце заныло. А ведь если бы он не оттягивал разговор с Алисой, всё могло сложиться по-другому. Ну почему так?! И разве согласится Алиса уехать ради него из дома? Как бы он на её месте поступил? Ответа на этот вопрос Приш не знал.

Хотелось плакать, очень. Но Приш понимал – легче не станет. Он часто представлял будущее: как вырастет, женится на Алисе. Они построят свой дом и разобьют сад. Всё как у родителей. А теперь жизнь сделала крутой виток, и что за поворотом – неясно. И полная растерянность: как быть дальше? Не готов он к этому. Приш затворил окно и лёг в постель. До ночи ещё два часа, но сидеть в одиночестве не хотелось. И куда-то идти – тоже. Поэтому он укрылся одеялом и уснул.

Утром Приш вскочил, точно от удара: проспал! Пора ехать в сад! И тут же обмяк: вспомнил. Две быстрые слезинки вытекли из глаз. Он вытер их и уставился в потолок. Тянуло навсегда остаться в этой комнате, скрыться ото всех. Но деваться было некуда – Приш поднялся, умылся и спустился вниз. В зале было пусто, лишь кто-то сидел за дальним столом, но Приш не мог его разглядеть.

Появился Плут. Мохноног тщательно вытер стол, за который уселся Приш, притащил тарелку с омлетом и стакан яблочного сока. Приш проглотил всё, даже не почувствовав вкуса. Ел по привычке, а не для удовольствия. Мохноног вертелся рядом, ему хотелось хоть как-то ободрить несчастного парня.

– Ты это, не думай, – начал он, – всё хорошо будет. Завтра сходим с тобой на соседнюю улицу, в школу тебя запишем. Там неплохая школа, я поспрашивал. А насчёт подработки – можешь мне помогать. Устроим тебя в гильдию дорожников. Согласен?

Приш кивнул: какая разница? Он сейчас на всё согласен. Мохноног продолжил:

– Жаль, конечно, что у тебя так вышло. Но можно и у нас жить. Вот увидишь, Темногорье – замечательный город. Не хуже твоей Яблонево́й долины.

– А что у парнишки стряслось? – из дальнего угла раздался голос.

Пришу он напомнил воронье карканье. Кажется, у него

что-то со слухом стряслось. Второй раз такое.

Мохноног нахмурился: посетитель ему не нравился. Сидит уже который час, никак не уйдёт. А заказал всего на пару однаров – пустой чай, даже от пирога отказался. И одет бедно: линялые штаны да куртка в заплатках.

– Ничего страшного, уважаемый, – ответил Плут, – всё уже разрешилось.

– А мне кажется, нет, – незнакомец вышел из-за стола и направился к ним.

Пришу подумалось, что тот не идёт, а шествует. Голова вздёрнута, подбородок выставлен вперёд. Тяжёлый плащ шлейфом струится по полу. Чёрные пряди волос спадают на бледное лицо. Приш моргнул: парень как парень. Постарше его самого, и видно, что не из богатых. Только лицо необычное. Нос с горбинкой, и выражение высокомерное, будто незнакомец слишком много о себе мнит. А плаща никакого и в помине нет, мерещится же всякое.

– Так что у тебя случилось? – неожиданно улыбнулся посетитель. – Рассказывай.

И Приш выложил всё. Плут бросал на него предостерегающие взгляды, но Приша будто кто за язык тянул. Поведал как на духу. А незнакомец лишь слушал, ни разу не перебил, только ухватился рукой за подбородок. Его длинные пальцы шевелились, точно лапки паука, и Приш никак не мог оторваться от этого зрелища.

– Так ведь, – незнакомец, наконец, оторвал пальцы от лица

и широко развёл руки в стороны, – можно же вернуться в долину. Есть один способ.

Приш, как зачарованный, спросил:

– Какой?

– Путь, – ответил незнакомец, – путь между мирами. Слышал, наверное?

В горле у Приша пересохло: то, о чём говорил неизвестный, не укладывалось в голове. Ведь это же не про него. Таковую дорогу может одолеть лишь герой, а он, Приш, обыкновенный парень. Нет в нём ничего выдающегося. Он отрицательно замотал головой:

– Нет, это не для меня. Да и не верю я в эти сказки!

Выкрикнул и устыдился: подумают, что он испугался. А незнакомец откинулся на стуле и снисходительно улыбнулся:

– Сказки так сказки. Как скажешь.

Он встал и вышел из зала.

Плут начал лихорадочно убирать со стола.

– Непонятный тип, неприятный какой-то. Явился вчера поздно вечером, когда я уже дверь запираю. И даже от ужина отказался, мол, не голоден. И на что мне такой постоялец? Никакого дохода от него. – Приш слушал вполуха, а мохноног не унимался: – И ничего толкового не сказал, только взбаламутить хотел. Нечего тебе про эти дороги думать, не для тебя они. И в Темногорье проживёшь прекрасно. Правда ведь?

Приш угукнул. Почему-то говорить совсем не хотелось.

Он произнёс:

– Я прогуляюсь.

И ушёл.

Листья медленно опадали. Один из них застрял в волосах, и Приш раздражённо смахнул: прямо как надоедливые мысли, которые никак не хотят вылезти из головы. Интересно, то, о чём говорил неизвестный, правда? Хотя... Плут же раньше рассказывал о дороге между мирами, тёмной. И о тех, кто её прошёл. Мол, это по-настоящему было. Родственник Плути сам этих путников видел. Так, значит, Приш может вернуться домой? Ну, конечно, он не собирается пускаться в авантюру, просто размышляет. Как бы поточнее узнать?

И тут впереди Приш заметил край плаща. Как у того незнакомца, хотя тот был в простой куртке... Не раздумывая, он бросился догонять. Но человек был неуловим. У Приша даже дыхание сбилось. Улица, поворот. Дом с геранью в окне. Снова перекрёсток. Плащ маячит справа. Серое здание. На окне красная герань. Опять! Тут выбоина – одного булыжника в мостовой не хватает. Плащ слева. Приш повернул и чуть не врезался в незнакомца.

– Не устал за мной бегать? – съехидничал тот.

Приш замотал головой:

– Что вы про путь говорили? Тот, который между мирами?

Незнакомец сделал приглашающий жест:

– Ну не на улице же об этом. Пойдём.

У дома с цветком оказался внутренний дворик, куда вела неприметная калитка. Приш толкнул её и словно попал в другое измерение. Плакучая ива, уронившая ветви в пруд, розовые кусты. Множество цветов: пурпурные, алые, сиреневые, синие, жёлтые... И запах, от которого голова кружится.

– Нравится? – поинтересовался незнакомец, будто сад был его заслугой.

– Ага, – от волнения голос охрип.

– Присаживайся, – словно по мановению волшебной палочки возникла беседка, увитая девичьим виноградом.

Приш уселся в мягкое кресло. Незнакомый пододвинул к нему кружку чая и шарлотку:

– Угощайся.

А потом замолчал, точно ушёл в себя. И пока Приш не доел угощение, так и не произнёс ни одного слова.

– Ты ведь знаешь, – начал незнакомец, когда Приш поел, – что Темногорье похоже на шишку. Я не про город, а про наш мир. – Приш пожал плечами: не помнит он этого. Но незнакомый продолжал: – Стержень шишки, так называемая ось, – башня тысячи вокзалов, которую ты видел. От неё расходятся дороги в тысячи миров. Каждый мир – чешуйка шишки. И попасть туда можно лишь через башню. Зашёл в лифт, выбрал нужный этаж, а дальше на поезд. Или

телепорт. Но тебе это не надо, – добавил он, заметив недоуменный взгляд Приша.

У того побежали мурашки: страшно и притягательно одновременно. Но жаль, что башня не для него – ведь там наверняка можно отыскать родной мир Приша.

– А есть дорога для избранных. Для ушедших из дома – тёмная, для изгнанных – светлая. И если пройти её, то в конце окажешься у начала радуги. И вот там, – неизвестный поднял указательный палец, – можно загадать желание. Любое. Мановением руки поднимать мертвецов или превращать всё в золото прикосновением – как решишь.

В груди похолодело от предчувствия. Точно дорога уже позвала Приша. И от этого стало сладостно и не по себе.

– А можно вернуться домой, – закончил собеседник. – Туда, где тебя вырастили, или туда, где ты родился. Ты уж определись, пожалуйста. – Незнакомец резко поднялся: – Мне пора. В общем, если решишься, надо просто сказать: «Я выбираю путь». И подождать, пока появятся попутчики. Вас должно быть трое. Вот и всё.

Он взмахнул плащом, которого то не было, то был, и исчез.

Приш проморгался: вот же наваждение! Где это он? И как он забрался в чужой сад? Может, заснул и во сне начал бродить? Если хозяева увидят, шума не избежать. Приш толкнул калитку и вышел. Гулять расхотелось.

Глава 8. Вторая изгнанная

Мёнгере застыла, разглядывая соперницу. Длинные, до земли, волосы. Пряди переливаются всеми оттенками жёлтого: от бежевого, как песок в пустыне, до янтарного.

Глаза напоминают вечернее небо: глубокие, завораживающие. При взгляде на них кажется, что проваливаешься в лазурь. И есть риск, что не выкарабкаешься. Кожа чуть тронута солнцем.

Очень красивая, но ничуть не лучше Мёнгере. Хотя какая разница? Девушка – дочь золотого дракона, и Мёнгере уже

видит своё будущее, будто обладает способностями провидицы.

Дальнейшее происходило, как в тумане. Правительница встала рядом с претендентками. Напротив застыли жрицы, городской совет, несколько жителей, приглашённых во дворец ради такого случая. Никто не усомнится в их выборе – всё прозрачно. И они сами сейчас лишь проводники воли богов. Когда-то Солнце победило Луну, ведь она только отражала его свет. А теперь самая достойная из девушек станет управлять Золотым городом.

Мёнгере чувствовала, что будет, и, конечно, всё так и произошло. Ведь когда заранее знаешь, не оставляешь судьбе никакого шанса. Притягиваешь случившееся точно магнитом, и никаких мыслей, лишь тупое оцепенение. Всё конечно. Осталась только оболочка, а самой Мёнгере уже нет.

Верховная жрица озвучила предпочтение богов – солнечная девушка. Мёнгере впервые услышала имя новой правительницы – Канлехе. Теперь оно зазвучит по всему Алтанхоту. А ей предстоит... Мысли неспешно ворочались, никак не придя в себя после паралича. Но знание уже наплывало, как пена в волне прибоя. Мёнгере предстоит изгнание. А за ним смерть. У золотых песков слишком жаркие объятия, мало кто может перенести их.

Две жрицы подошли и взяли бывшую правительницу под руки. Мёнгере попыталась вырваться, но хватка оказалась железной. Канлехе медленно приблизилась к ней. Её руки

тряслись, и следом за ними нож странно вибрировал, точно змея перед броском. Когда Мёнгеру наносила шрамы той, кто царила в Алтанхоте перед ней, она не боялась. Нельзя обойти ритуал. Лишь после совершения его новая правительница может занять трон Золотого города по праву. А эту лихорадит, и взгляд затравленный, точно Канлехе, а не Мёнгеру свергли с престола.

Мнилось, что ещё чуть-чуть – и нож выпадет. И Мёнгеру уже не была уверена, кто из них жертва: она или золотая девочка? Та смотрела с ужасом вперемишку с виной.

– Или режь, или сама убирайся в пустыню! – выкрикнула ей в лицо Мёнгеру.

Новая правительница вздрогнула, как от удара. У Канлехе нет выхода: или ритуал и трон Алтанхота, или она сама отправится в изгнание. Канлехе перехватила нож посильнее, зажала губу и сделала надрез на правой щеке бывшей царицы. Затем – на левой. А у самой из прокушенной губы потекла кровь.

На голову Мёнгеру накинули ткань. Щёки горели, словно их прижгли калёным железом. Верх платья намок от крови. Всю дорогу до Храма её вели жрицы. Бывшая правительница шла по мостовой, спотыкаясь в местах стыков камней. Тишина давила на уши, и Мёнгеру слышалось шипение: «Обеззображенная...» Нет худшего унижения, чем лишение красоты. Особенно для той, что несколько лет была первой среди красавиц. И плечи поникли, точно под тяжестью, и го-

лова склонилась. Больше нет серебряной царицы Золотого города. Остался лишь портрет на стенах Розового дворца.

За Мёнгере следовали невезучие претендентки – теперь им предстояло служить богам. Кто-то покинет Храм в двадцать пять лет, а кто-то останется до конца дней, если присоединится к настоятельнице. Но они ничего не потеряли, потому что ничем не владели. Всего лишь шансом – но не всем мечтам удаётся сбыться. Кто-то должен проигрывать. А вот быть на вершине, а после рухнуть – всегда больно. И не верится в происходящее, словно находишься в дурном сне. Кажется, ещё немного – и очнёшься, но не выходит.

Мёнгере отвели в крохотную комнату без окон. Жрица стянула с её головы платок, наложила швы и обработала шрамы. Боль была такая, что хотелось орать, но бывшая царица лишь вцепилась мёртвой хваткой в спинку скамьи. Щёки задёргались, будто их повторно раскроили ножом на две половины. Мёнгере попыталась прикоснуться к надрезам и отдернула руку – её изуродовали. Никто не станет ей больше поклоняться, слагать гимны, увековечивать изображения. А совсем скоро пески заметут и последнее упоминание о ней – её саму. Теперь-то понятно, к чему были все те странные уроки. Видимо, мать знала о золотой сопернице и пыталась дать дочери шанс на выживание после изгнания.

Значит, мать – одна из двух помощниц настоятельницы или сама верховная жрица. Будь она обычной служительницей, ей бы ничего не позволили. Но почему мама тогда ни-

чего не сделала против дочери солнечного дракона? Один несчастный случай или болезнь, даже не смерть – просто неосторожность. Кто-то случайно облил девочку кипятком или толкнул на острый угол – и всё. Не зря девочек держат отдельно друг от друга, все хотят править Золотым городом. Но мать же могла. Или нет? И если нет, то почему? Разве быть матерью правительницы плохо? Любая из матерей города мечтает об этом.

Это всегда привилегии для семьи. Сама Мёнгерере подписала несколько указов, по которым некоторые плодородные угодья вдоль реки перешли Храму. Интересно, кто же из города мать Канлехе? И почему никто не слышал о солнечном драконе? Или от Мёнгерере скрывали?! Одни вопросы без ответов. А впереди ночь. И потом ночь – вечная. И хочется спать. Потому что нет никаких сил, слишком много всего произошло. Пусть побыстрее всё кончится.

У воды, которую дала жрица, был сладковатый привкус – видимо, туда что-то добавили. И вскоре Мёнгерере провалилась в сон – подействовало снадобье. Ей повезло – ничего не приснилось. Ни кошмаров, ни удивительных историй. Крепкий сон спокойного человека. А затем за ней пришли. Положили на кровать дорожную одежду и велели собираться. Время остановилось, а потом стремительно принялось отсчитывать часы в обратную сторону. Сколько их всего осталось?

Глава 9. Мёртвая пустошь

Сто пятьдесят четыре часа до.

Лицо непривычно спрятано за повязкой, лишь глаза оставлены открытыми. Словно она вернулась во времена детства, когда её существование скрывали ото всех. Щёки ноют, никак не успокоятся. Но Мёнгеру старается не обращать на это внимания и запомнить город в последних лучах солнца, точно впервые видит это пыльное золото, покрытое налётом вечности.

Из храма свернули налево – к дороге, ведущей на юг. Если ехать по ней, попадёшь в соседний город. Всего трое су-

ток неспешного пути. Она никогда не бывала там, но любила слушать истории путешественников. Вдоль Омирук располагалось несколько городов-государств. Вся жизнь сосредотачивалась возле воды – именно она была главным достоянием Чёрного побережья. Без воды приходила смерть – тёмная женщина в мрачных одеждах. Хотя пески цвета золота, их внешность обманчива – они служат тёмной повелительнице. И пусть Мёнгеру вывезли через южные ворота, путь ей предстоял на запад – в великую пустыню.

Сто двадцать часов до.

Жарко. Горизонт только окрасился золотом, а пот уже заливал глаза. Позавчера ехали всю ночь – луна щедро освещала дорогу своей внучке. Наверное, жрицы молили богов об этой милости – ведь днём по пустыне передвигаться невозможно даже на выносливых верблюдах. После полудня пришлось останавливаться на отдых в тени барханов. Разбили шатёр и легли спать. За Мёнгеру никто не следил – вернуться в город нельзя, её сразу убьют. А из пустыни другого выхода нет. Давно никто не пересекал Мёртвую пустошь в её центре, лишь старые легенды повествуют о смельчаках. Теперь даже дети пустынь не рискуют забираться туда.

Но Мёнгеру всё продумала. Когда её оставят, она сделает крик, чтобы попасть на дорогу к соседнему городу. Это в Алтанхоте она изгнанница, а на новом месте её жизни ничто не угрожает. Она сможет там жить. Наверное. Но пока рано

заглядывать так далеко вперёд. Главное – выбраться.

Сто восемнадцать часов до.

Её бросили. Кинули сумку с продуктами и бурдюк с водой. Жрицы развернули верблюдов и отправились назад. Теперь выживание Мёнгере зависит лишь от неё самой. Ведь она умеет ориентироваться по караванным тропам и звёздам. Её учили. Пять лет назад. И она всё уже забыла или почти всё. А надеяться не на кого.

Сто шесть часов до.

Пора подниматься. Брести по этим пескам, пока хватит сил. Тело ломит от невыносимой усталости – мышцы отвыкли от работы. Беззаботность и нега расслабили Мёнгере, отучили трудиться. И можно кусать локти, но не исправить: она сама виновата, что не расшифровала подсказки, которые дала ей мать. Даже размышлять об этом тяжело. А пока нужно смазать шрамы.

Девяносто девять часов до.

Всё. Если Мёнгере не остановится, то вскоре свалится без сил. Воды в бурдюке осталось на доньшке, а без воды верная смерть. И лишь бы она не перепутала направление. В полночь на небе появится Белая Корова⁷, по ней Мёнгере проверит, правильно ли идёт. А пока надо поужинать.

⁷ Белая Корова – самая яркая звезда, видимая в центре Чёрного побережья.

Мёнгеру достала кусок вяленого мяса, сухую лепёшку и принялась жевать. Щёки вновь задергало от боли. Как бы не пошла кровь. Но не есть нельзя, Мёнгеру может ослабнуть, а пустыня этого не простит. Еды осталось дней на пять от силы. Давно Мёнгеру не приходилось задумываться об этом, ведь повелительнице достаточно только пожелать.

За это время надо успеть добраться до людей. Хотя без пищи можно и обойтись некоторое время, главное – чтобы воды хватило. Мёнгеру сделала несколько глотков и обернулась. Неподалёку росла шайтанова колючка – значит, вода есть, и неглубоко. Растения без неё не могут. Теперь только бы докопаться до неё. И она принялась рыть песок, обламывая ногти.

Девяносто шесть часов до.

Белая Корова зажглась на небосклоне, и Мёнгеру облегчённо вздохнула: она не оплошала. Звезда указывала на центр пустоши, а задача Мёнгеру – двигаться на юго-восток. Она верно угадала направление. Дня четыре, и она доберётся до нужного места. Мёнгеру посмотрела вверх и вспомнила легенду, связанную со звездой.

Давным-давно, когда небесный пастух ещё не гнал тучные стада по Млечному Пути, жила-была обычная корова. Точнее, не совсем обычная. От ушей до кончика хвоста была она цвета молока. Единственная белая корова на всём

тёмно-рыжее стадо. Хозяева на неё нарадоваться не могли: спокойная, с хорошим нравом, да и молока даёт больше всех. А коли есть молоко, значит, есть и сыр со сметаной. Голодным никогда не останешься. Что ещё надо старикам для счастья?

Но, на беду, имелись у них завистливые соседи. У тех-то было сразу несколько коров, но им покоя не давало счастье стариков. И как-то опоили они белянку плохой водой. Занемогла корова и вскоре померла.

Загоревали старики: как им жить? Ведь не смогут без кормилицы, ждёт их голодная смерть. Услышала их стоны да причитания Луна и пожалела. Спустилась к ним на землю и сказала: «Будет ваша корова самой яркой звездой на небосклоне – путеводным светом для заблудившихся путников. А вы станете созвездиями Старика и Старухи». Как сказала, так и свершилось. Старик и Старуха вечно находятся друг возле друга, а Белая Корова – чуть поодаль, щиплет небесную траву. А из её молока образовался Млечный Путь.

Двадцать шесть часов до.

Песок повсюду: в одежде, в глазах, во рту. Забился даже в нос. Кажется, что лёгкие заполнены им. Песок в шрамах. Каждый день Мёнгере смазывает их мазью и ощущает мелкие крупички под пальцами. Даже финики скрипят на зубах. Вещи пропитались потом. Мнится, сними одежду – и она не

упадёт, а останется стоять, как статуя, просолившись. Песок и солнце – основные спутники Мёнгере. А ещё голод и постоянная жажда. Еды осталось на день, и приходится беречь остатки. А воды мало. Тех крох, что удаётся добыть, хватает лишь для того, чтобы не умереть от жажды. Но Мёнгере не сдаётся: она обязана дойти. Осталось немного – она точно знает. А пока даже волосы превратились в сплошной ком, не расчесать.

Час спустя.

Оазис! Крохотный, всего пятьдесят шагов в поперечнике. Но настоящий оазис, где есть вода. Он расположился в углублении между дюнами, и Мёнгере разглядела его, взобравшись на самую высокую. Спрессовавшийся песок противно пел под ногами, но она не зря карабкалась вверх, теряя силы. Оазис... Чудесное место для путешественника. Мёнгере так и не наткнулась на караванную тропу, где могли быть колодцы. И сейчас это место стало подарком богов. Мёнгере рассмеялась впервые за последние дни: да, она внучка богов, и удача благоволит ей.

Закат этим вечером был на удивление красив. Всполохи красного и оранжевого окрасили небо. Мёнгере приняла это как хороший знак – редко кому удавалось увидеть такое зрелище, лишь пару раз путешественники рассказывали о нём. Хорошо лежать в тени пальм после купания в озере. Удалось смыть грязь, вымыть волосы и даже прополоскать одежду.

Давно ей не приходилось заниматься этим. Сорванные финики притупили голод – ничего, завтра она достигнет цели своего путешествия.

Мёнгере долго не решалась посмотреть на своё отражение. Затем приблизилась к воде, встала на колени и заглянула в озеро. Две полосы запёкшейся крови. Мёнгере аккуратно промыла их водой. Уже образовалась плотная корка. Наверное, потом это будет не так ужасно, но сейчас... Ей хотелось плакать. Когда угроза смерти немного отступила, утрата красоты всплыла с новой болью. Ей всю жизнь придётся прятать лицо.

Справа почудилось движение. Мёнгере вскочила, и зверёк метнулся в сторону. Фенек, ушастая лисичка. Не взрослая особь, а подросток. Осторожно выглядывает из-за ближайших зарослей. Мёнгере кинула ему финик, и зверёк осторожно приблизился. Всё так же настороженно поглядывая, обнюхал предложенное угощение и съел.

«Какой ты забавный», – произнесла Мёнгере вслух.

Голос скрипел, как песок под ногами. Скоро она разучится говорить.

Уши зверька шелохнулись – он явно прислушивался.

«Ты похож на моего друга, – продолжила Мёнгере. – Его звали Хухэ. Правда, никто никогда его не видел, кроме меня. Когда я была маленькой, думала, что Хухэ ловко прячется от других. А потом поняла, что его никогда не было. Я его выдумала».

Фенек осторожно приблизился и сел совсем рядом. Мён-гере хотело погладить зверька, но боялась, что он убежит.

«Последний раз я его видела в пустыне. Хотя, может, это была обычная пустынная лисичка, как ты, которую я приняла за Хухэ. Я очень по нему скучаю. У меня никогда не было кого-то близкого. И раньше я никогда об этом не задумывалась. А сейчас мне его не хватает».

Фенек улёгся рядом и зажмурился, словно речи бывшей правительницы его усыпляли.

«Можно, я буду звать тебя Хухэ, пока ты рядом? Мне очень страшно. Я не знаю, что будет со мной, а мне очень хочется жить. Раньше у меня было всё, а я не знала, чего хотеть. А теперь все желания свелись к одному – просто жить».

Мёнгере обернулась – фенек куда-то исчез, и она испытала ужасное разочарование.

Час до.

Пески сменились камнем. Идти стало легче, ноги не увязали, но Мёнгере хмурилась – перемены ей не нравились. Она ни разу не слышала о каменной пустыне рядом с дорогой. А ведь она должна скоро выйти на торговый тракт, соединяющий два города. Но, возможно, она плохо изучила карты или забыла. Не может быть! Ведь Белая Корова всегда была справа и чуть сзади. Мёнгере не сбилась!

Впереди показалась пирамида, сложенная из белых камней. В неё были воткнуты сухие ветви с обрывками лент.

Раньше подобные алтари сооружали для старых богов. Их имён никто не помнит, да и алтари давно разрушены. Лишь этот сохранился. Мёнгере с любопытством осмотрела его и внезапно почувствовала ужас. Необъяснимый и поглощающий. Такой, что хотелось завизжать и побежать куда глаза глядят. Мёнгере сжала зубы – она не даст страхам победить себя. Но надо уходить отсюда поскорее – нехорошее место.

Сзади послышалось тьякканье. Мёнгере вздрогнула и резко обернулась. Фенек! От сердца отлегло, и она помахала ему рукой.

«Решил проводить меня?»

Хухэ в ответ вновь тьякнул. Мёнгере воспряла духом: зря она распереживалась. Всё будет хорошо. Совсем скоро она выйдет на нужную тропу.

Мгновение до.

Скалы. Изъеденные песком и временем. Замершие в причудливых формах. Красные и серые камни. Несколько раз Мёнгере порывалась остановиться, но затем упрямо шагала вперёд. Она не ошиблась. И через несколько часов увидит тракт. Вот только завернёт за каменный холм и отдохнёт. Хухэ по-прежнему семенил за ней.

Мёнгере обогнула препятствие и замерла. Перед ней зияла расщелина, глубокая и чёрная, покрытая застывшей лавой. Её не обойти, не перепрыгнуть. Никак. Мёнгере зашла не туда, совсем не туда. Это сердце пустыни – Мёртвая пу-

стошь. Сотни лет здесь никто не появлялся. Ни одно живое существо, если верить легендам. Когда-то тут произошла битва старых и новых богов. И никто достоверно не помнит, даже сказания не сохранили память о том сражении. И вот она стоит и не понимает, каким ветром её сюда занесло. Мён-гере снова потеряла направление, как и в прошлый раз. И никто её не спасёт. Придётся возвращаться в оазис и думать, что делать дальше.

– Боюсь, что этого не получится, милая, – раздался чей-то голос. – Мёртвая пустошь неохотно отпускает своих жертв.

Глава 10. Я выбираю путь

Мёнгере чуть не подпрыгнула. На мгновение ей показалось, что эти слова сказал фенек, – в Алтанхоте ходили легенды о лисах-оборотнях. Но Хухэ метался в отдалении, не решаясь приблизиться, а за спиной, вплотную, стоял незнакомец: выше её, худой парень с копной тёмных волос. Он обошёл бывшую правительницу и театрально развёл руками:

– Добро пожаловать в сердце Мёртвой пустоши, серебряная царица. В ущелье Страдающих душ.

Мёнгере молчала: язык болтался сухим комком. А неиз-

вестный продолжал:

– А ведь твой зверёк, милая, предупреждал об опасности. Только кто понимает маленьких лисичек? Да и зачем? Ведь серебряная правительница никогда не ошибается.

Он махнул рукой, и на землю упал толстый ковёр. Незнакомец сел на него, и Мёнгере против воли последовала его примеру. Тот продолжал:

– Пять лет ты правила в Алтанхоте. Пять лет. И никто, никто не заступился за тебя. А ведь на самом деле ты ничуть не хуже сестры.

Мёнгере издала странный звук: сестра! Как она сразу не догадалась?

Незнакомец довольно хмыкнул и повторил её мысли вслух:

– Конечно, сестра. Как ты сразу не догадалась? Потому твоя мать тебе и не помогла. Бедняжка старалась научить тебя основам выживания, только ей это не сильно удалось – ученица попалась бездарная.

Мёнгере хотела возмутиться: она вовсе не глупая! Предметы давались ей легко. Просто она не понимала, зачем ей всё это нужно. А потому и постаралась многое забыть, когда заняла трон Золотого города. Незнакомец с наслаждением надкусил сочный персик – на ковре стояло блюдо с фруктами. Мёнгере очень хотелось попробовать хоть один, но она сдерживалась.

– Так вот, продолжаю. Ты оказалась не нужна жителям го-

рода. Ни одному из них. Ведь что с тобой, что с твоей сестрой – от этого в Алтанхоте ничего не изменится. Вы ни на что не влияете. Красивые марионетки.

Половину слов Мёнгеру не понимала, но ей хотелось закричать, что он лжёт. Каждое слово ранило, точно колючки, которые так любят верблюды.

– А ведь ты могла бы... Могла бы стать по-настоящему великой, – незнакомец перешёл на шёпот, и приходилось прислушиваться. – Мир пал бы к твоим ногам, континенты содрогнулись бы от твоего могущества. Ты на самом деле могла бы покорить их всех. Кого красотой, кого военным гением. Только прохлопала свои возможности, милая. А теперь погляди на себя, – в его руках оказался серебряный поднос. – Ты – жалкая уродина. Жалкая и никому не нужная.

Мёнгеру взглянула на своё отражение: он прав. Даже когда шрамы заживут, они никуда не денутся. Она на всю жизнь обезображена. Незнакомый рукой зачерпнул плов из ниоткуда появившегося казана и с видимым удовольствием принялся есть. Мёнгеру сглотнула: в последние дни во рту, кроме фиников, ничего не было. А есть хотелось так, что голова кружилась.

– Ты сидишь и думаешь о еде, – произнёс незнакомец, – и не желаешь сказать об этом. Что ты будешь делать на новом месте? Ты не в состоянии никого попросить. А люди не телепаты, они твои мысли читать не умеют, милая. Они будут проходить мимо, а ты – подыхать от голода. А ведь можно

просто сказать: «Дайте мне, пожалуйста, еды». А ты давишься словами, словно, произнеся их, обеднеешь.

Голова раскалывалась от непонятных слов и голода, но Мёнгере безмолвствовала. Она сама не понимала, что с ней происходит, к чему этот всплеск гордости. Неизвестный досадливо поморщился и пододвинул блюдо:

– Угощайся.

Пока Мёнгере ела, как ей казалось – неторопливо и с чувством достоинства, он ждал. Хухэ затыкал возмущённо, и Мёнгере бросила ему кусок мяса. Фенек схватил его на лету.

– Когда-то здесь была великая битва, – незнакомец махнул в сторону ущелья. – Новые боги против демонов. Точнее, раньше демоны тоже назывались богами. Демонами они стали, когда проиграли сражение. Победённым всегда не везёт.

Мёнгере никак не могла насытиться. За пловом последовали жареные рёбра, затем она долго пробовала фрукты, а под конец перешла к шербету, запивая его холодной водой.

– Битва Порядка и Хаоса, стабильности и изменчивости. Когда вулкан взрывается лавой, когда материки сходятся и расходятся, когда рождаются новые виды животных – это работа Хаоса. Порядок на такие чудеса неспособен. Только вот жить среди Хаоса невозможно. В общем, тогда победил Порядок. Кстати, твои предки тоже участвовали в войне.

Мёнгере едва не поперхнулась, потом сообразила: это он про Луну и Солнце.

– С тех пор в центре пустоши образовалось ущелье Страдающих душ. Оно как чернильная клякса, которая расплывается по бумаге. Сначала вроде маленькое пятно, а после становится всё больше и больше.

Неизвестный встал и потянулся. Затем подал руку и помог подняться бывшей правительнице.

– Я соврал: ты на самом деле неплохо усвоила уроки матери. Только все бывшие царицы Золотого города попадали в Мёртвую пустошь. Это идеальная ловушка. Ведь демонам, даже свергнутым, нужна пища. А что может быть лучше, чем изгнанная правительница? Идеальный корм, от которого демоны становятся сильнее. И через некоторое время... Ты понимаешь, милая?

Мёнгере понимала: все знают, что демоны питаются страхом и отчаянием. А значит, она – лучшая еда для них. Незнакомец сочувственно закивал головой:

– Всё верно, тебе отсюда не выбраться. Только...

Он сделал театральную паузу и замер, выжидающе глядя на неё. И она не обманула его ожиданий.

– Что? – спросила Мёнгере.

– Дорога между мирами, милая. Пройдёшь её и сможешь загадать, что душе угодно. Например, вернуться на трон Алтанхота и править людьми, как они того заслуживают. Вернуть свою красоту. Отомстить сестре за унижение и матери за то, что выбрала не тебя. Я знаю, ты сможешь, милая. – Он погладил её по голове и шепнул на ухо: – Надо всего лишь

произнести: «Я выбираю путь». Скажи это или умри. И твоя смерть – всего лишь ступень в той лестнице, через которую Хаос выберется наружу.

Незнакомец поцеловал её в щёку и исчез. От этого поцелуя Мёнгеру передёрнуло, точно ей за шиворот свалился паук.

Пока они беседовали, зажглись первые звёзды. И вскоре на небосклоне вспыхнула Белая Корова. Значит, здесь её ждет лишь смерть... И выбора особого нет: или дорога между мирами, о которой она мало что слышала, или... Мёнгеру вскинула подбородок: она не сдастся. За спиной раздавалось тьякканье, но Мёнгеру отмахнулась: кто прислушивается к словам маленькой лисички? Глядя на Белую Корову, Мёнгеру сказала: «Я выбираю путь». Она не знала, что незнакомец вновь обманул её.

Глава 11. Встреча троих

За ужином Приш снова вспомнил историю о дорогах между мирами. Вроде Плут рассказывал, когда Приш с семьёй пришёл с представления, что можно загадать желание, которое обязательно сбудется. Приш откусил кусок медовика и запил молоком. Один день прошёл. Совсем скоро родители с Лизой приедут на ярмарку, и они встретятся. Поскорее бы. А ещё будет классно, если и Алиса своих упросит. Те редко покидали долину, предпочитая не торговать на ярмарке, а продавать яблоки соседям. Но она обещала.

И будет почти как раньше. Именно что почти. Приш осо-

знал, что как прежде не выйдет. Сейчас, в сезон, родители будут навещать его каждые выходные. А вот зимой им в Темногорье делать нечего – разве что покупки для дома. А значит, видеться они будут раз в месяц, и то в лучшем случае. А с Алисой и того хуже. Её родители заядлые домоседы. Их вытащить из долины – занятие непосильное. И со временем Алиса его забудет. Приш нащупал в кармане записку. Развернул и перечитал.

Всего три слова, а как тепло от них на душе. Словно маяк, который светит в ненастную ночь. «Я тебя люблю». И ты знаешь, что не один в мире: есть на свете человек, которому ты нужен. Только выдержит ли любовь испытание временем и расстоянием? Алиса редко когда сможет приезжать, и получится, что Приш в Темногорье, а она – в долине. Рядом с Маттисом. Только в преданиях девушка ждёт парня, который скитается по дорогам. В жизни таких историй Приш не слышал.

Он поднялся в свою комнату и сел на подоконник. За окном темнело, и на небе зажигались звёзды. Все сейчас дома в семьях, а он как сирота. Хотя Приш и на самом деле сирота, скорее всего. Вряд ли его настоящие родители живы. Видимо, с ними случилось что-то страшное, раз отправили сына в неизвестность. А теперь и приёмные далеко. Эх, если бы можно было всё исправить...

Низко над горизонтом вспыхнула Белая Корова. Из долины её не видно – горы закрывают, а здесь можно разглядеть.

И звёзды на небе другие, и дома, и люди. И сам он, Приш, тут пришлый: город для него точно одежда не по размеру. Местами жмёт, а местами болтается, будто на вырост. Не может он жить вне Яблонево́й долины, просто не может. Ни одного знакомого лица, ни одного памятного места. Сегодня сам не заметил, как очутился в чужом саду. Видимо, слишком задумался. А в остальное время Приш жмётся к постоялому двору, будто отбившаяся от стада овца, забывшая дорогу к дому.

Отчаяние заполнило сердце. Приш распахнул окно и встал на подоконник. Ветер тут же взъерошил волосы, принеся с собой сухое дыхание далёких песков. И от этого у Приша побежали мурашки по коже. Сейчас или никогда. Он должен решиться. Приш запрокинул голову и произнёс, обращаясь почему-то к Белой Корове: «Я выбираю путь».

Мир качнулся. Подоконник поплыл под ногами, звёзды посыпались, как карточный домик. Неожиданно Приш увидел девушку. Или женщину? Он не мог понять: её лицо скрывала ткань. Она стояла в странном месте: среди пустыни. Ни растительности, ни одного живого существа. Лишь обломки камней и глубокая расщелина за её спиной. И тут изображение замигало, точно картинки накладывались одна на другую, и появился парень. Приш разглядел, как тот опирался на ствол дерева, его трясло. А потом всё разбилось на мелкие осколки, и Приш очутился в нигде.

Вокруг были ночь и звёзды, мириады звёзд. И не понять, где верх, где низ. Приш парил в невесомости, точно был бычьим пузырьём, который надули тёплым воздухом от костра. Он не сразу заметил, что не один. Рядом находились парень с девушкой, которых он видел до этого. А потом возникли три двери: чёрная, серая и белая. Белая ослепительно сияла; тёмная, наоборот, точно втягивала в себя свет. И лишь серая казалась тенью этих двух. Почему-то Приша потянуло к ней, но внезапно раздались аплодисменты. И полёт прекратился, словно образовался якорь, удерживающий его на одном месте. Около них возник ещё один человек, и Приш сразу его вспомнил: неизвестный с постоялого двора. Как же он про него забыл?

Тот ещё раз хлопнул в ладоши и объявил:

– Все в сборе: пришелец, красавица и поэт. Игроки заняли свои места. – Незнакомец провёл ладонью по лбу, убирая непослушные пряди. – Разрешите представиться, Хранитель пути. Именно мне предстоит нелёгкая задача объяснить условия.

Послышалось тьяканье. Приш с удивлением увидел возле девушки лисичку.

– Хм, – недовольно произнес Хранитель пути, – а первое правило уже нарушено. Игроков должно быть трое. Хотя... Не думаю, что фенек сойдёт за полноценный персонаж, поэтому пропускаю.

Приш не понимал, о чём говорит незнакомец, именуемый

себя Хранителем пути. А тот вёл себя, точно актёр на сцене, и, по мнению Приша, переигрывал.

– Итак, – продолжал Хранитель пути, – вы все изгнаны. Справедливо или нет, это неважно. Главное – вы не по собственной воле ушли из дома. Но! – он поднял указательный палец. – Вы можете вернуться. Если дойдёте до начала радуги и загадаете это желание. Или другое. Всё в ваших руках.

Приш оживился: а ведь на самом деле можно пожелать что угодно. Даже дух захватывало от этого.

Хранитель пути перечислял:

– Одному найти свою истинную родину. Второй – получить красоту назад. Третьему – поэтический дар. Выбирать лишь вам. Надо – только – дойти – до – радуги. И всё.

Приш размечтался: можно придумать так, чтобы запихнуть в желание побольше всего. Время есть, и он что-нибудь сообразит.

– Ложка дёгтя, – добавил Хранитель. – Путь, какой бы вы ни избрали, – опасный. Да и я приму посильное участие. Не люблю, знаете ли, скучать. К тому же вы все трое должны пройти дорогу до конца. Это обязательно. Так что всего хорошего! И пусть удача будет на вашей стороне.

Он поклонился и пропал.

Приш и другие переглянулись. А затем, не сговариваясь, направились к серой двери, – она не открылась. «Ну да, – подумал Приш, – наивно надеяться, что изгнанникам не достанется чёрная дверь». Но и та осталась запертой. И лишь

белая приветливо отворилась, когда путники подошли к ней. Они шагнули, и Вселенная перевернулась.

Макушки сосен качнулись и снова заняли исходное положение. Приш огляделся – всё в норме: небо вверху, земля внизу, он находится в лесу. На удивление – сейчас ранний вечер.

– Интересно, это всё на самом деле или я брежу? – раздался голос слева.

Приш повернул голову: говорил парень. Теперь можно было его рассмотреть. Лет семнадцати-восемнадцати. Светлые волосы коротко острижены. Рост средний – ненамного выше Приша, худощавый. Только сейчас выглядит так себе: на лбу бисером выступил пот, лицо побледнело, а самого потряхивает.

– Тебе плохо? – спросил Приш.

Тот кивнул:

– Похоже, заражение крови. Думал к врачу обратиться, но не смог отказаться от предложения, сделанного Хранителем.

Подошла девушка. Рядом с нею вертелась лисичка – любопытная. Приш решил, что незнакомка молода, хотя разглядел лишь глаза. Красивые, кстати. Такого фиалкового цвета Приш ни у кого не видел. Она дотронулась до лба парня.

– Надо найти цветы, – голос её оказался шершавым, точно язык собаки. – С белыми лепестками и жёлтой сердцевинкой.

Снимает лихорадку.

– У меня есть таблетки, но они ненадолго помогают, – перебил парень. – Мне кажется, это из-за ран, которые нагноились.

Он снял куртку и задрал рубашку. В области лопаток словно кто-то нарисовал красно-коричневой краской два бумеранга. Шрамы! От них протянулись тонкие багровые щупальца: да, парень прав, – заражение крови.

– Как там? – с тревогой спросил тот.

– Не очень, – честно ответил Приш. – Кажется, надо к доктору.

Парня заколотило сильнее. Он натянул рубашку и куртку обратно.

– Осталось найти этого врача, – горько пошутил он. – Он вскрыет раны, промоет их и зашьёт. Где же ты, добрый доктор Айболит?

Приш не уловил соль шутки: кто этот доктор Айболит?

– Можно попробовать мазь, – предложила девушка, – она вытягивает гной.

Парень стянул рубашку. Его руки покрывали синие рисунки. Приш не стал откровенно пялиться – неудобно. Девушка смочила тряпку водой, которая у неё хранилась в странном мешке, похожем на сушёные кишки, и протёрла шрамы. Затем обильно смазала их зелёной пахучей мазью. Лисичка, которую Хранитель пути назвал фенekom, внимательно наблюдала.

– У меня в рюкзаке есть бинты, – сказал парень.

Он протянул девушке длинную полоску белой ткани, которая была скатана в валик.

«Странное название – бинт», – таких слов Приш раньше не слышал.

Девушка перевязала парня.

– Это откуда? – спросила она про шрамы, пока парень одевался. – Ритуал? На мужество? В пустыне местные племена проводят такие испытания среди юношей.

Тот достал из мешка какие-то белые кружочки и проглотил их.

– Нет, – ответил он, – там раньше росли крылья.

Приш раньше никогда не видел ангелов. И этот парень никак на них не походил. Одежда странная: брюки из непонятной материи, тёмно-синие и очень плотные, куртка из скользкой ткани, ботинки не из мягкой кожи, а грубые – подобных в Темногорье не шьют. А вот внешность обычная. Разве ангелы такими бывают?

Он так и спросил. Парень сначала не понял, а затем ответил:

– Ангелов не существует, это же сказки для детей. А я поэт. Точнее, был им.

И замолчал. Приш не стал лезть с вопросами: ясно, что парню не до этого. Тот прикрыл глаза и вроде как задремал. Но надо же узнать, как к нему обращаться. Да и к девушке тоже. Раз им вместе идти до радуги.

– Меня зовут Приш, – представился он. – Я живу... жил, – поправился Приш, – в Яблонево́й долине. И хочу вернуться домой.

Первой откликнулась девушка:

– Мое имя Мёнгерё.

Больше она ничего не сказала. Парень, казалось, уже спал.

Но вдруг его ресницы дрогнули, и он произнёс:

– А я Глеб.

Глава 12. Вязанка хвороста

Поэту нездоровилось. Таблетки, которые тот пил, помогали мало. К тому же стремительно темнело, поэтому пришлось соорудить временный лагерь. Поэт достал из своего мешка, который он называл рюкзаком, удивительный нож: тот раскладывался и состоял из нескольких лезвий. Имелась даже пила, которой можно было отпилить сучья. А вот топорика, к сожалению, ни у кого не было. Впрочем, как и еды. Лишь у поэта нашлась пара бутылок воды, тушёнка, копчёная колбаса и хлеб. Приш с любопытством разглядывал про-

дукты, заодно запоминая незнакомые слова: похоже, Глеб был из другого мира. Про Мёнгере он бы не сказал так уверенно. Хотя она тоже выглядела необычно, по мнению Приша, но Темногорье большое.

А Глеб про Темногорье ничего не слышал. Пожал плечами, и всё. Но толку от него сейчас ноль: трясётся так, что всё тело ходуном ходит. И накинуть нечего: Приш сам в лёгкой куртке. Хорошо, что не снял, когда в комнату поднялся. Да и вообще, оплошал – ничего с собой не взял. Как ребёнок. Мёнгере тоже легко одета: полотняные штаны, длинное платье с разрезами по бокам до бёдер и платок на голове. А уже осень, ночи прохладные. Нужен костёр.

Он и Мёнгере отправились за хворостом: сухое дерево лучше горит. Лисичка, которую девушка называла Хухэ, с ними. Набрали не быстро: девушка сначала не понимала, что она тоже должна таскать сучья. Такое ощущение, что никогда не работала, Приш даже ощутил скрытое раздражение. Достались же попутчики: один болеет, вторая неумёха. И главное, то слова от неё не добьёшься, а то, когда он попытался ею руководить, сразу отбрила: «Не бери на себя больше, чем сможешь унести». И таким холодом повеяло, что не по себе стало: кто она такая? Ещё и Хухэ раздражённо затыкал: мол, его хозяйку обидели.

Пришлось объяснять доходчиво, что он один не справится. Только это её и расшевелило. Ей ведь тоже ночью греться надо, а иначе замёрзнет в своей одежке. Затем притащили

небольшое поваленное дерево – сидеть на нём. Летом на земле спать нормально, к тому же можно нарвать папоротников или лопухов на подстилку, поздней осенью сойдут опавшие листья, если дождя не было. А сейчас нет ничего. Какие-то они незадачливые путники, при себе даже огнива нет. Хорошо, у Глеба нашлись палочки, которые он называет спичками, – удобное приспособление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.